Конфедерат

Автор:
Влад Поляков

Конфедерат

Влад Поляков

Конфедерат #1Попаданец (АСТ)

Разгоревшаяся война Севера и Юга… И попавший в эту эпоху русский человек, вставший на сторону Конфедерации, прикладывающий все силы для сокрушения северян. Почему? Да потому, что он помнит родной XXI век и ту необъятную власть, которую захватили финансовые транснациональные корпорации. Потому что понимает ненависть стоящих за спиной президента Линкольна к южанам, к Конфедерации. Ибо ничего так не боятся банкиры, как победы тех, которые их считают теми, кем они являются на самом деле – то есть обычными дешевыми ростовщиками, которых и на порог-то пускать неприлично.

Влад Поляков

Конфедерат

* * *

Оформление обложки Николая Плутахина

© Влад Поляков, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Конфедерат

Здесь за деньги снимают боль,
Выкупают любовь и стыд,
И на каждого будет роль —
Кто слезами, кто кровью умыт.
Здесь на каждого свой туман,
Злые грезы и просто рай.
Каждый верит своим богам,
А по сути бежит на край.

Здесь из веры куют гроши,
Здесь заплеванных душ приют,
Что из окон идут в тиши,
Кто в последний, кто в первый путь.
Здесь сжигают себя дотла,
Чтоб хоть миг, но побыть огнем.
И влюбляются в зеркала,
Чтоб исчезнуть в них ясным днем.

Здесь в бессмысленном ищут суть.
Здесь истоки покрыты мхом.
Здесь так сложно найти свой путь

И так просто упасть на дно.

Маврик. Здесь и сейчас

Пролог

Неизвестно где

Сны бывают разные. Иногда они фантасматоричны, тогда сразу понятно, что ты спишь. Порой сновидения попахивают откровенным бредом. От которого хочется или ржать, как лошадь, или откровенно плеваться. Иногда они приятные и сложнозапоминаемые. Зато иногда их почти не отличить от реальности. Бывает вскинешься посреди ночи и долго таращишься в полумрак, пытаясь осознать, что это был всего лишь сон.

Вот так и в этот раз…

– Мы тебя достанем, сраный «снежок»! – истерический визг раздается почти сразу. – Ты отсюда не уйдешь, сейчас я звоню по телефону, и «праведники» выбьют все дерьмо из твоей белой задницы. Я тебе лично собачий хрен в жопу вставлю! И сучку сейчас твою пристрелю!

– Ты ж ей вставить грозился? – отвечаю, сам прикидывая, откуда именно раздается голос. Точнее то, за какой именно из мусорных куч расположился говорливый ушлепок. – Или предпочитаешь трахать мертвую, а на живую не встает?

Брань в ответ, только вот английский бедноват на выражения, а чтобы сплести из обычных слов нечто унизительное… Помилуй боги, так для этого умение надобно и хоть немного мозга. А он у этих недоделков только спинной, по моему глубокому убеждению.

Три выстрела подряд, каждый раз сдвигая прицел чуть в сторону. И сдавленное бульканье, едва различимое на расстоянии. Попал… Что тут сказать – бандюк не понял простую истину – если ты укрылся от взгляда врага, это еще не значит, что укрытие защитит тебя от его пули. А бытовой мусор, он свойствами брони не

обладает.

Четыре в минус, остался последний. Значит… Подозрительный звук с тыла. Поворачиваюсь, и прежде чем мозг успевает осознать переданную глазами информацию, тело уже действует. Выстрел, еще… И рывок вперед, на сокращение дистанции, потому как барабан уже во второй раз опустел.

Трое… На шум приперлись трое. Те же банданы. Значит, «праведники», та же самая банда. Неудивительно, если это их территория. Просто занесло на звуки выстрелов, проверить, что да как. И двоих я снял или наглухо, или просто ранил – это не суть. Главное, что иного варианта не было. Промедлил бы чуток – меня бы изрешетили с трех стволов. Тут бандиты пустыми не ходят, все при оружии.

У последнего стоящего на ногах негра глаза стали… как у героев японских мультиков: большие, круглые, удивленные. Вот-вот наружу погулять выйдут. Но ударил я стволом в шею. Тычком, дробя в кашу кадык. Пустой револьвер падает вниз. Времени на перезарядку нет. И сразу подхватить пистолет! Даже не успеваю понять, какой именно марки. Рука на автомате сдвигает флажок предохранителя, на всякий случай передергиваю затвор… ну да, патрона в стволе не было! Два выстрела, по одному на брата, для добивания подранков. Оба были еще живы и опасны…

Удар. В спину, как будто кувалдой. С трудом удерживаюсь на ногах, пытаюсь развернуться, но второй удар… Бросает на землю, в голове все мутится, приходит боль. БОЛЬ! Медленно текут секунды. И чувствую, как сердце, вместо того чтобы гнать кровь по телу, еще и выплескивает ее под давлением наружу.

Подстрелили… Глупо. Сквозь туман вижу, как из-за укрытия выходит тот самый, последний из первоначальной пятерки. И идет в сторону девушки, которая только сейчас начала выходить из состояния шока. Кричит что-то непонятное, никак не складывающееся в слова… Нет, это только я ничего не понимаю.

Снова понимаю… Просит, чтобы ее не трогали! Глупая… Таких как ты как раз и трогают. Чтобы НЕ трогали, надо уметь стрелять в тех, кто захочет сделать что-то плохое. Она же этого не умеет. Слабая… Не ее вина. Мысли опять путаются.

Уметь стрелять. Я вот умею… И в руке пистолет. Только рука никак не хочет работать. Почему? Ранен… Но если мысли еще ворочаются в голове, то не убит!

Древние что-то там говорили… Разум двигает материю! А я материя или разум? Наверное, все же разум, потому что материи больно. Мне уже нет…

Плевать! Зато могу стрелять, рука снова двигается. Медленно, с огромными усилиями поднимаю руку, прицеливаюсь… Сложно разглядеть мушку. Навожу по линии ствола, хорошо хоть расстояние позволяет. Нажать на спуск. Отдача выбивает пистолет из руки, рука снова падает. Но я попал… Попал! Из головы негра в бандане выплескивается что-то не то красное, не то серое. Не вижу. Устал… Как же все глупо. Был бы шанс снова… начать снова. И отомстить! Кому? Кто допустил, чтобы такая глупая и нелепая ситуация вообще могла возникнуть… Неважно. Главное – месть. Спать… Темнота.

* * *

Сон, всего лишь сон. Но зато какой реальный! Такого еще со мной не случалось. А сейчас… Здравствуй, незнакомый потолок! Именно эта фраза чуть было не вырвалась, когда я с большим трудом разлепил глаза и увидел его. Его – это тот самый потолок. Причем не то что незнакомый, но еще и абсолютно чужеродный. Ни тебе потолочной плитки, ни обоев, ни даже простецкой побелки. Дерево, причем явно выполненное «под старину». Не совсем, конечно, но века эдак девятнадцатого, как я понимаю своим отнюдь не увлеченным антиквариатом разумом.

Смотрю в потолок и пытаюсь пошевелиться. Хотя бы немного, но пока не получается. Равно как и вытолкнуть из глотки хотя бы нечленораздельный возглас, не говоря уже о паре-тройке слов. Без толку!

И волна паники… Тяжелой, накрывающей с головой. Потому как оказаться в беспомощном состоянии – это хуже всего, даже сколько угодно мучительной смерти. Ведь смерть – это конец, а подобное состояние сравнимо разве что с бесконечным ужасом.

Слава всем богам, что паника оказалась напрасной. Сказать я по-прежнему ничего не мог, но зато почувствовал сначала руки, потом ноги, а затем и остальное тело. Мало того, даже удалось пошевелиться. Пока стали действовать всего лишь пальцы рук, но и это было воспринято как позитив. Да и само тело, оно… словно бы просто затекло и сейчас возвращалось к норме. Ага, вот и мурашки побежали, и заныли все до единой мышцы. Выходит, и впрямь просто

как-то неудачно во сне повернулся или еще что, вот тело и занемело. Так что отставить панику! Полежу еще немного, все пройдет. После чего встану и хотя бы пойму, где нахожусь.

Начинаю осторожно двигать руками и ногами, прямо на глазах возвращающимися в нормальное состояние. Чуток приподнимаюсь, автоматически бросаю взгляд на окружающее и…

Нет, это что-то откровенно непонятное! Такое впечатление, что я попал в гости к абсолютно повернутым на прошлом реконструкторам. Ухитрившимся не только обставить комнаты в стиле примерно середины XIX века, но еще и меня за каким-то чертом переодеть в штаны на завязках и что-то вроде рубахи той же эпохи.

Возникает вполне правомерный вопрос: «Кому за такое безобразие морду бить?» Благо это я делать не просто умею, но и обладаю неслабым таким опытом, да еще довольно постоянным. Ага, постоянным. Несмотря на то что мне уже под тридцатник. Жизнь просто вокруг слишком беспокойная. Вот только недавно во время командировки в США пришлось…

Проклятье! Накативший приступ дикой головной боли заставил обхватить голову руками и стиснуть зубы. Лишь бы не заорать. Невместно как-то, чай, не девушка и не маменькин сынок! Но как же больно, с-сука!

Боль стучала в виски тяжелыми молотами, буравила череп изнутри и словно бы пыталась распилить голову тупой пилой. Но вместе с тем боль сносила невидимые преграды, заставляя меня… вспомнить. Вспомнить все, что случилось совсем-совсем недавно. То самое, что еще недавно считал неотличимым от реальности сном. В той самой Америке, куда меня на свою беду и занесло…

Россия, США, май 2016 года

Детройт – сейчас это просто руины некогда примечательного и мощного флагмана автомобильной и прочей промышленности Америки. Честно признаюсь, что никакой особой да и вообще симпатии к американцам сроду не испытывал, но видеть то, до чего можно довести некогда процветающий город, было печально. Заодно с печалью было четкое понимание, что это лишь начало…

начало конца. Следом за Детройтом отправятся и другие города, причем не из маленьких, а вполне себе солидные. Многие города, в некоторых из коих уже чувствуется затхлый ветер разложения, а в других его миазмы может различить только понимающий причины творящегося человек. Самое же тревожащее – это то, что бацилла упадка и развала не ограничивается этой страной, она уже давно перескочила в другие места, в том числе и мои родные. Невидимая, никакими врачами не диагностируемая, потому как к медицине отношения не имеет.

Да… Тоскливо, печально, но вместе с тем понимаю, что для «раскрытия глаз» на это безобразие нормальным людям нужно очень чувствительно приложить по голове. Пусть в переносном смысле слова, но от всей души! К примеру, тот самый новогодний беспредел в одном германском городе с полной, тотальной импотенцией полиции и вообще власть имущих. Хотя нет, импотенция – это когда хочется, да не можется. Здесь же скорее извращенный мазохизм или склонность к саморазрушению. Мда, печаль и ужас.

Впрочем, возвращаясь к Детройту и моим причинам появления здесь. Одна из серьезных организаций, занимающаяся, помимо прочего, еще и стратегическим планированием, всерьез занялась моделированием перспективы дальнейшего развития американских городов в ближайшее десятилетие. Особенно их беспокоил тот самый упадок.

При чем здесь я? Аналитика – этим словом все сказано. Я составлял довольно неплохие аналитические прогнозы, не обращая внимания на то, как именно будут звучать выводы, не кастрируя их в угоду всяческих толерастий и политических конъюнктур. Многих это откровенно бесило, однако меньшая часть по достоинству оценивала и соответственно платила. На жизнь хватало… хорошую жизнь.

И вот последовал тот самый заказ. Особо сильного отторжения клиент в лице корпорации не вызывал, тема была из тех, в которых я ориентировался, задаток… тоже порадовал количеством нулей. Можно было начинать.

Я и начал. За неделю был составлен набросок аналитической записки, после чего и отправлен на известный электронный адрес. Звонок тому человеку, который контачил со мной. Подтверждение о получении наброска. Все было как всегда… до определенного момента. Уже на следующий день мне позвонили и уже знакомый голос, говорящий по-русски с небольшим акцентом, сообщил, что

набросок произвел впечатление, но требуется кое-что еще. «Еще» заключалось в том, чтобы побывать на местах и, возможно, внести определенные коррективы.

Это было что-то новое. Естественно, я поинтересовался, какая, к ангельской матери, разница, руководствуюсь я документами и видео, в том числе самым что ни на есть свежим с «ютуба», или сам топаю по улочкам американских городов? Тем паче что не испытываю никакого желания к дальним перелетам вообще и в США в частности?

Представитель заказчика сперва вилял, не желая отвечать по существу, но потом все-таки сдался, со вздохом проговорив следующее:

– Ваша аналитическая записка, ее черновик, логически обоснована и дает подробное представление о дальнейшем развитии городов США… Знаете, после прочитанного ни о каком развитии говорить не приходится. Анализ пророчит упадок и деградацию. Но указанные причины… Это, знаете ли…

– Такова истина, – хмыкнул я, ничуть не удивившись словам говорившего со мной. Как-никак реакцию среднестатистического американца на изложенное в аналитической записке предсказать было несложно. – Я предлагаю именно анализ, а не взгляд через розовые очки гуманизма и наркотические грезы толерантности. И он ясно показывает, что все города США, в которых цветное население превалирует над белым, либо уже в полной жопе, либо идут в нее верной дорогой, никуда не сворачивая. Как наиболее яркий пример мной приведен Детройт. Приложена компьютерная программа, моделирующая дальнейшее развитие ситуации в тех или иных условиях. Достаточно лишь задать определенные параметры и…

– О, я не ставлю под сомнение ваш профессионализм, мистер Доронин! – в голосе послышались виноватые нотки. – Ваши прогнозы оказываются верными с достаточно высокой вероятностью, не уступающей, а местами и превосходящей конкурентов…

Ну все, замолола молотилка! Поморщившись, я поспешил прервать поток словесной шелухи, которую извергал голос с той стороны трубки.

– Свои плюсы и минусы я и так знаю. В чем проблема-то?

– Политика, мистер Доронин. Председатель совета директоров корпорации, решивший поручить работу именно вам, вынужден считаться с пожеланиями крупных акционеров, обладающих правом голоса…

– Пока еще не понял суть проблемы, из-за которой я должен отрывать задницу от дивана, лишать себя приятного общества друзей и девушек и лететь в плохо переносимое мной место… В вашу страну. А хотите разорвать контракт… Да на здоровье! Платите неустойку и идите целоваться взасос с акционерами, озабоченными излишней толерантностью. Да хоть групповую черно-бело-желтую камасутру устраивайте!

Из динамика мобильника донеслось сдавленное хрюканье, больше всего похожее на пресекаемый волевыми усилиями смех. Никак американец с еще не до конца атрофированным чувством юмора попался? Надо же.

– Простите, мистер Доронин… У меня богатая фантазия.

– Я так и понял. И даже где-то рад, что среди жителей вашей страны еще не полностью вымерли те, кто способен смеяться над толерантными потугами.

– Вы русский, вам не понять… – тяжелый вздох, длинная пауза. – У нас даже за произнесенное «негр» вместо «афроамериканец» можно во многих местах получить много проблем. Мне повезло, что мистер Ричардс, глава корпорации, родом из Джорджии. Вы понимаете меня?

– Конечно. Рад, что кровь плантаторов еще не совсем растворилась. Думаю, что предки вашего босса участвовали в войне Севера и Юга на ПРАВИЛЬНОЙ стороне. Правильной и ни в одном месте не толерантной.

Теперь уже не скрытый смешок. И чувствую, что этот самый до сего момента безликий представитель заказчика начинает лично для меня приобретать определенную индивидуальность.

– Сторона была именно той, на которую вы намекнули. Но акционеры… Иногда их не выбирают, они приходят сами. Деньги, мистер Доронин, они правят моей страной. И кое-кто хочет убедиться, что ваши выводы не выстроены на эмоциях, а факты и доказательства не подогнаны.

– Даже интересно, как они собираются это проверять!

– Вы использовали Детройт как самый яркий пример из всех городов.

– Из всех в США, – ухмыльнулся я поневоле. Ведь было ясно, что глумливая гримаса, отражающаяся сейчас на моем лице, собеседнику не видна. Не по скайпу же общаемся. – Есть, в качестве наглядных примеров, еще города в ЮАР, а особенно наглядные прелести распада можно наблюдать в Родезии.

– Родезии?

– Сейчас эта страна называется Зимбабве. Переименовали после того, как там не осталось белых. Имя Сесиля Родса, по сути основателя страны, там с некоторых пор не в чести.

Молчание. Гробовое… Ясно было, что у моего собеседника присутствовали определенные пробелы в образовании. Ничего удивительного, ведь американская система получения знаний в настоящее время глубоко ущербна. Крайне узкая специализация и соответственно отсутствие широкого кругозора. Выхолощенные или искаженные представления о мире вокруг. Все как и планировалось теми, кто эту программу создавал, но со стороны то смех, то отвращение вызывает. А иногда и легкое сочувствие. Все же когда-то там жили пусть и не самые лучшие, но вполне вменяемые люди. Вот только именно что «жили», сейчас их число падает в геометрической прогрессии. Как и во многих других местах. Печаль…

Собеседник еще не до конца отмер, поэтому я решил продолжить разговор сам.

– Однако я полагаю, что подробное изучение городов Зимбабве не входит в интересы особо любопытных акционеров корпорации. Хотя я бы с удовольствием отправил их набираться опыта, в командировку. Да еще вне центра тамошней столицы. Их бы там либо просто съели, либо разрезали на кусочки, перед этим воздав должное такому несомненно полезному взгляду на жизнь, где преобладают гуманизм и толерантность.

Я откровенно глумился, спору нет. Только не над собеседником, а над теми, кто, понимаешь ли, сомневался в моих аналитических способностях, причем не приводя разумных аргументов.

Только в ответ мне было сказано нечто куда менее экстремальное, но все же вызывающее невольное уважение к тому, кто это придумал.

– Именно поэтому, мистер Доронин, мой босс, мистер Ричардс, и желает, чтобы вы лично посетили Детройт. Не один, а в сопровождении одного или двух доверенных представителей тех самых акционеров, которые выразили сомнение. Покажите им факты, удостоверяющие сделанные вами выводы. Пусть увидят… И заткнут свои сраные языки в обосранные задницы! Мы вам заплатим большие премиальные.

А что… Это может быть действительно интересным. Немного подумав, я согласился. Дальше все развивалось стремительно. Уже на следующий день мне прямо на дом доставили билет с открытой датой. Первый класс, что и неудивительно, учитывая заинтересованность корпорации в моих услугах. И настоятельная просьба не затягивать с вылетом.

Ладно, если меня просят, да еще и вежливо, грех не уважить. Тем более учитывая тот факт, что за возможность постебаться над больными «толерастией личности» в терминальной фазе еще и хорошо заплатят. Помимо уже оговоренного в контракте.

Перелет был… обычным. То есть как и в других случаях полета у меня было редкое в своей отвратительности настроение. Вовсе не по причине плохого самочувствия в воздухе, как можно было бы подумать. О нет, физически я чувствовал себя просто превосходно. Бесило другое – то, что во время перелета от меня ни черта не зависело и, случись что, шансов уцелеть просто не было.

Впрочем, все прошло без осложнений, даже разносящие напитки и закуски стюардессы были и красивые, и даже в моем вкусе. Не то чтобы я собирался кого-то из них соблазнять, но пара-тройка комплиментов и милые улыбки в ответ – это довольно приятно и помогает скрасить проведенное в воздухе время.

И сразу по приземлении началось! Меня встретили, заселили в гостиницу, но честно предупредили, что отдохнуть удастся лишь несколько часов. Затем возвращение в аэропорт и посадка уже на один из принадлежащих корпорации самолетов. Компанию же мне будут составлять двое тех, кому я и должен буду показать факты. Те самые, на которые я ссылался в своей аналитической записке.

Беспокойство? Ага, прямо щаз! В гостиничном номере я просто отсыпался. В воздухе этого у меня сроду не получалось. Максимум – легкая дрема, да и то постоянно прерываемая бунтующим против нахождения в воздухе подсознанием. Зато на мягкой кровати в люксовом номере – совсем другое дело.

Гр-р! Ненавижу просыпаться от будильника. Но еще больше раздражает, когда из объятий сна тебя грубо вырывают стуком в дверь. Причем будит тебя не очаровательная горничная с третьим-пятым номером бюста, а азиатская, скорее всего китайская, морда, заявляющая, что я должен уже через пятнадцать минут быть на выходе из отеля, где меня ждет автомобиль. С трудом удержавшись от комментария, что я вообще-то никому ничего не должен, а уж ему и подавно, ограничился лишь тем, что кивнул в знак понимания и закрыл дверь.

Собраться – дело нехитрое. Особенно если лишним да и вообще сколь-либо объемным багажом не обременен. Спуститься по лестнице, игнорируя лифт, выйти на улицу… Хм, некисло! Не говорю про обычное такси, его я увидеть и не ожидал, но авто представительского класса – это серьезно. Хотя, учитывая оплаченный люкс в гостинице, удивляться тут нечему. Мелочь, а все равно приятно, показывает отношение к специалисту. Ведь именно из таких вот мелочей и складывается общее впечатление.

Вот только я уверен, что помимо плюсов, я и минусов нахлебаюсь. В частности, от того или тех, кого придется сопровождать в поездке по Детройту. Постебаться над ним или ними – это одно. Зато выдерживать общество подобных персонажей – совсем другое. Э-эх! Ну да попала собака в колесо – пищи, но беги.

Дорога до аэропорта ничем не запомнилась. Обычная поездка, а глазеть на улицы Вашингтона – это не по мне. Чего интересного там можно увидеть? Да ровным счетом ничего. Муравейник да и только, никакой индивидуальности у этого города нет и явно уже не появится. Как и у почти всех городов в этой звездно-полосатой, смертельно больной уже несколько десятков лет, но никак не сдыхающей стране. Стране, продляющей свою агонию за счет переманивания элиты из европейских стран и впрыскивающей все новые и новые порции отравы – помимо уже бегущей по жилам – из Африки и Азии. Причем, что самое забавное, большинство власть имущих знало об этом, но… продолжали. Зачем, почему? Наверное, живя по принципу «После нас – хоть потоп!». Заветы мадам Помпадур, всесильной фаворитки одного из многочисленных французских

Людовиков, живут и здравствуют. Только в гораздо более циничной и извращенной манере.

Невесело улыбаясь, я поднялся по трапу небольшого самолета, рассчитанного максимум на десяток пассажиров, зато быстрого, надежного и очень комфортабельного внутри. Оказавшись же в салоне, увидел наконец тех, кто будет составлять компанию в экскурсии по Детройту. Что тут сказать… Хотя на самом деле сказать можно было многое.

Двое. Мужчина лет сорока и девушка лет двадцати пяти. Если первый вполне соответствовал моим представлениям о высокопоставленном сотруднике влиятельной корпорации, то девица… Дело даже не в возрасте, ведь ум и целеустремленность порой позволяют в сжатые сроки подняться по той или иной иерархической лестнице. Тут иное. Мозг аналитика всегда анализирует: обстановку, разговоры, людей вокруг. Это происходит само собой. Зачастую бывает сложнее понять всю логическую цепочку, заставившую тебя сделать вывод, чем получить нужный результат.

Сейчас же я четко ощущал – эта девушка не представляет из себя ничего особенного как личность. Да вообще ничего не представляет. Мужчина хоть тоже не производил впечатления, но был все-таки несколько более сформировавшимся, осознающим свое место в мире и цели. А эта… Однако первым делом следовало представиться.

– Имею честь представиться, Виктор Доронин.

– Джон Гиббс, – тусклым, невыразительным голосом отозвался мужчина. – личный помощник члена совета директоров корпорации Алена Раваля.

Взгляд в сторону девушки, но та лишь одарила меня пренебрежительным взглядом, после чего поправила упавшую на лоб прядь русых волос. Хм, однако!

– Мисс Сара Дженкинс, заместитель главы пресс-службы, – представил спутницу Гиббс, желая сгладить неловкую ситуацию. – Мисс Дженкинс имеет большие заслуги в поддержании благоприятного имиджа корпорации. Ей мы обязаны связями с несколькими телеканалами…

Так-так! Прозвучавшие затем названия были мне частью неизвестны, частью же были известны слишком хорошо. Те еще гадюшники, защищающие права всех, с кем в одном помещении-то находиться западло, не говоря до том, что прикасаться к таким можно, лишь пиная под зад или в другие места: педики, нарики, прочие меньшинства, страстно желающие, чтобы их образ жизни был перенят большинством, причем в приказном порядке на законодательном уровне. Политкорректность, ети ее! Та самая, которая требует суровых и немедленных кар для тех, кто не стесняется назвать мужиков, долбящихся в жопу, педиками и просто извращенцами; обдолбанных наркоманов в периодически обоссанных во время ловли кайфа портках выродками, недостойными находиться в приличном обществе; даунов и прочих умственно отсталых – не «альтернативно одаренными», а всего лишь генетическим браком.

Все с тобой понятно, Сара Дженикинс. Равно как и то, зачем именно тебя направили в мое общество. Чистые эмоции апологетки политкорректности и более серьезный взгляд Гоббса. Что ж, надо отдать должное автору идеи, хоть он и попытался доставить мне дополнительных хлопот. А пока… немного пошалим.

Короткий кивок в сторону мужчины, затем несколько шагов по направлению к девушке. Взять ее за руку и обозначить легкий поцелуй.

– Приятно видеть на борту красивую девушку, мисс…

Эх как она дернулась. Чуть было до потолка не подскочила и почти сразу вырвала свою руку.

– Это… Это! Русский дикарь! – взвизгнула девица. – Были бы вы гражданином США, я бы подала на вас в суд!

Чуть приподнятая бровь, легкая снисходительная улыбка… Они заставили ее захлопнуться, но взгляд… Была бы василиском, быть бы мне каменной статуей.

– Забавно, – произнес я, обращаясь «в пространство». – Если ведешь себя как джентльмен в «дикарской России», то это воспринимается с пониманием и даже одобрением. Если же в «передовой и прогрессивной» Америке, то сразу обвинят в варварстве и грубости. Еще и судом испугать пытаются… Нет уж, мисс, пугать у вас плохо получается. Попробуйте для начала дикобраза голой попкой

испугать, вдруг да получится.

Легкая провокация и бурная реакция на оную доставили мне искреннее удовольствие. Равно как и то, что на протяжении всего перелета мисс Дженкинс показательно меня игнорировала. Я же тем временем вполне плодотворно пообщался с Гоббсом. Тот, по крайней мере, вдумчиво читал ту самую аналитическую записку. Не соглашался с ней, равно как и его начальник – это да. Но все же читал, приводил какие-никакие аргументы в ее опровержение. Считал, что наш вояж по различным районам Детройта поможет именно его точке зрения, а не моей.

Что же до мисс Сары… Она ничего из аналитики не читала. Ей было достаточно выводов, которые «борчиху» за права меньшинств и как бы «угнетаемых» категорически не устраивали. И распечатала уста девица лишь один раз, после одного из моих высказываний, впрочем, всего лишь иными словами пересказывающего маленький кусочек аналитической записки.

– Понимаете ли, Джон, уникальность Детройта состоит в том, что доля белого населения – куда я без сомнений включаю и его латинский подвид в лице мексиканцев и жителей стран Южной Америки – снижалась год от года, причем катастрофическими темпами. А вот доля преступности и разрухи повышалась. Возьмем за точку отсчета тридцатые годы. Белое население более девяноста процентов, число ограблений на сто тысяч лишь немногим более сотни, чисто убийств – всего четыре.

Начало семидесятых – эпоха бесноватого Мартина Лютера Кинга, «черных пантер» и прочей швали, на словах борющихся за равные права, а на деле мечтающие о превосходстве над белой расой и только об этом. Доля белых – немногим более половины. Число ограблений на сотню тысяч населения – полторы тысячи. Число убийств – более трех десятков.

Наконец, переходим к началу разгула политкорректности, то есть к девяностым годам. Доля белых колеблется между двадцатью и десятью процентами, причем неуклонно снижается. Официальное число ограблений несколько снижается. Это, как свидетельствуют определенные данные, происходит лишь потому, что по-крупному грабить особо уже и некого – люди с деньгами покидают город, – а мелкие и не регистрируют особо. Да и вообще, многие районы становятся зонами, куда полиция опасается даже заходить малым числом и без средств усиления. Зато убийства не спрятать, их по-любому приходится регистрировать.

Их число – под шесть десятков на сотню тысяч за год. И это лишь уголовная статистика, без добавления экономики, о которой отдельный разговор. Исходя из этого…

– Гнусный расист!

О, какие люди, какие голоса… Интересно даже. Может ли она сказать что-то помимо клише? Проверим, может быть, голос разума все же способен просочиться через стену откровенной глупости человеческой.

– Это не я, мисс Дженкинс, это цифры с сайта вашего же американского правительства. Также советую посмотреть падение уровня доходов города и сравнить его с изменением процентного состава населения. А насчет расизма… – говоря, я одновременно серфил по Интернету, выискивая нужные фоторепортажи с улиц города Из числа тех, которые не были включены в переданную заказчику аналитику, как особо «сочные и забористые».

– Смотрите и наслаждайтесь, мисс Сара, – с этими словами я повернул планшет экраном к девице и начал листать фотографии, комментируя по ходу:

– Для начала позвольте вам продемонстрировать фото с «Ночи дьявола», как негры называют ночь перед Хэллоуином. Если нормальные люди, отмечающие сей праздник, в это время устраивают довольно красочную атмосферу, пусть на вкус некоторых и мрачноватую, то эти «с пальмы упавшие» развлекаются, поджигая и разрушая автомобили, магазины, отдельные здания и даже целые районы. И так из года в год. Вот это фото, сделанные участниками сего маразма «в процессе». Эти же показывают то, во что превращаются части города после этих «милых и невинных» развлечений.

– Кон…

– Молчать и слушать, мисс. Потом выступите, если будет что-то помимо дурных воплей о «расизме» и «правах меньшинств», – рявкнул я на Сару, зная, что таких фифочек можно заткнуть только жестким прессингом, – Вот фото множества зданий, причем расположенных вовсе не на окраинах города. Выбитые стекла, проломы в стенах, прочие свидетельства разрухи. И это сделали вовсе не те, кого вы любите величать «расистами» и «неполиткорректными ретроградами». Просто выходцы из Африки гадят даже там, где живут. Не верите? Вот вам фото

тех же домов с указанными датами «до» и «после». Очередные беспорядки из-за их внутренних разборок и вуаля! Стоит же городским властям восстановить тот или иной район – спустя максимум пару лет он вновь превращается в место, где хорошо разве что снимать фильмы в жанре «постапокалипсис», но никак не жить. И еще один «хит сезона»! Минутку внимания и попрошу сохранять тишину в зрительном зале.

Та-ак. Быстренько ищем еще одну интересную подборочку. Ту самую, после которой дамочка вряд ли сможет столь рьяно бросаться в меня терминами вроде «расист» и что-то в этом роде. Быстрее, пока это создание не отмерло и не разразилось воплями… Хочется поставить жирную такую точку в не то чтобы разговоре. Скорее уж полном моральном и психологическом изничтожении оппонента. Есть, нашел!

– Десертом послужит тот самый «расизм», в котором вы и вам подобные столь любите обвинять всех… если они относятся к белой расе. Внимательно смотрим на фотографии объектов Детройта. Среди них бары, отельчики, кинотеатры, прочие заведения. Как вы видите, их много, даже за то малое время, что я искал в сети, мне удалось обнаружить десятки таких мест. Внимательно смотрим… Видите?

– Что? – каким-то квакающим голосом отозвалась мисс Дженкинс. – Обычные снимки обычных мест.

– Обращаю внимание на довольно габаритные надписи «black owned»[1 - «Принадлежит черным» (англ.).]. Они есть на всех фото. И вот что интересно, появись на каком-то магазине или баре надпись «white owned»[2 - «Принадлежит белым» (англ.).] – как скоро вы бы затаскали владельца по судам и сколько серьезных проблем он бы получил? Молчите, мисс Сара… Понимаю. Ведь ответить-то вам и нечего. Особенно после того, как я наглядно продемонстрировал, что в вашем хваленом толерантном, политкорректном и мультикультурном обществе буйным цветом цветет расизм, только вот несколько не такой, про какой вы и вам подобные истерично орете с экранов, газет, новостных сайтов. Кстати, могу приводить множество более кровавых и тошнотворных примеров, но… Мне недосуг. В конце концов, мне не платят за сеансы политпросвещения малолетних дурочек с промытыми с детства мозгами. Умному достаточно и сказанного, а хроническому кретину и десятки лекций не помогут. Выбирайте мисс, к какой категории относитесь лично вы. Dixi.

США, Детройт, май 2016 года

Ну что тут еще можно сказать. Мы прилетели! После того разговора Сара Дженкинс не разговаривала не только со мной, но и с Гоббсом. Правда, мрачно сопела в две дырки и смотрела с печальной такой моськой исключительно в мою сторону. Сначала смотрела, а потом вновь стучала по клавишам ноута и щелкала кнопками мышки. А еще сразу сворачивала открытые окна, стоило мне пройти поблизости. Правда, не сильно ей это помогло. Я человек бывалый, могу и по мимолетному взгляду на экран определить суть просматриваемого.

Девочка искала опровержения сказанному и показанному мной. Надеялась, как я понимаю, что статистика липовая, а фотографии смонтированные. Напрасные надежды, все источники были вполне себе надежные, а некоторые, что связаны с цифрами, и вовсе железобетонные. Просто их не принято было озвучивать для широкой аудитории. Однако интересующийся человек вполне мог все это найти в открытом доступе.

Неудивительно, что вид у мисс Сары становился все более недоумевающий и… печальный. Наверняка понимала, что может продолжать вопить и бросаться в мой адрес привычными обвинениями, вот только… Ситуация-то будет совершено иной – и она, и я будем знать, что обвинения-то откровенно липовые.

Уже перед самым выходом из самолета я лишь с очень легкой иронией поинтересовался, обращаясь к ней:

– Ну так что, мисс Дженкинс, в свете последних событий имеет ли смысл наша экскурсия по Детройту?

Или достаточно будет и тех свидетельств, которые отражены как в моих материалах, так и в тех, которые я показывал вам лично, и достоверность которых вы столь дотошно проверяли?

– Мы продолжим! Я должна… удостовериться.

– Нам дали инструкции, мистер Доронин, – а это уже Гоббс прорезался. – Мы должны будем отчитаться перед советом директоров о проделанной работе. Я не хочу быть уволенным.

Что ж, пусть будет так. Будет вам экскурсия по городу, причем по различным его местам. Вот только нутром чую, что приятных впечатлений от нее не появится. Да и откуда бы им взяться в этом гниющем и рассыпающемся в ничто городе?

Для начала следовало решить вопрос с транспортом. Этим я и занялся сразу же после заселения в гостиницу. Вроде бы одна из лучших в городе, а ощущение того, что вокруг все не то и не так, никуда не уходило. Я понимал причины возникновения, а вот Гоббсу и Дженкинс пришлось объяснить. Прямо в холле, куда мы спустились после того, как закинули невеликий багаж в номера.

– Научитесь чувствовать направленные на вас взгляды. Ловить тени эмоций, на вас обращенных. Сейчас это легкое удивление, неприязнь и предвкушение. Удивление от того, что сюда прибыли белые. Неприязнь вследствие того, что местные, с позволения сказать, афроамериканцы считают этот город своим. Предвкушение от того, что они знают – в относительно ближайшем будущем здесь будут только они и никто из столь ненавистных им «снежков» не будет обладать тут ни малейшим влиянием.

– Ну это уже…

– Доказательства последуют в самом скором времени, – оборвал я вякнувшую было что-то Сару. – На своей нежной шкурке почувствуете. Хотя чего время-то тянуть… Эй, ты. Да-да, именно ты, – поманил я пальцем одного из гостиничных работников, негра лет тридцати пяти. – Хочешь сотню баксов?

– Хочу! – подойдя, тот алчно уставился на купюру, которую я держал в руке. – Чё надо, мистер?

– Ответить на несколько вопросов о творящемся в городе. – Заметив, что негр малость скис и понимая причины, я уточнил: – Здесь нет ни журналистов, ни копов. Вот эти двое – шишки из строительной корпорации. Хотят тут земли прикупить и отели строить. А я у них вроде как проводник по той стороне жизни, которую эти «белые воротнички» из окон офисов сроду не увидят.

– Чё-то не понимаю, бро!

– Говорю попроще. Я от тех ребят, которые держат за глотку немалую часть Нью-Йорка. Русская мафия, короче. Слышал?

Слышал. Насторожился, но слушает, теперь уже куда более спокойный. А вот двое работников корпорации стоят и тихо обтекают от глубокого разрыва шаблона. Хорошо хоть под руку не лезут. Наверное, дошло, что таким образом я всего лишь создаю соответствующую атмосферу для разговора с объектом.

– Ты не коп, да! Винни не лузер, Винни понял, – сразу изменилась речь негра, которому больше не надо было даже пытаться проявлять несвойственные ему манеры. – Сотка баков это хорошо, но я тебе ничего такого не скажу.

– Мне и не нужно знать секретов ваших банд. Этот город моему боссу не интересен, он лишь выплатил старый должок. Послав меня как проводника, чтобы этих двух, – жест в сторону Гоббса и Дженкинс, – не обидели ненароком. А это легче сделать, если они будут знать, куда им не следует соваться в темное время, а куда вообще не следует. Именно это и стоит сто баксов. Хоп?

– Йо, бро, это стоит сотки. Это я скажу. Вам, «снежкам», ночью вообще из домов лучше не высовываться. Братья любят жирных белых цыплят. У них в кармане мобила, баксы, кредитки! Да и прикид хорош, скупщики берут!

Округлившиеся глаза Сары, гримаса отвращения на лице Гоббса. Ну а негр Винни, обладающий полным отсутствием присутствия манер и невеликим мозгом, продолжал распинаться. Особенно когда я достал еще полсотни. Для увеличения интенсивности словесного потока.

– Эта белая цыпочка пусть оденется по-другому. С такими сиськами, да в такой прозрачной блузочке, – говоря, он с неприкрытым вожделением смотрел на упомянутые части тела. Еще чуть-чуть и облизываться начнет. – Чувак, да она и нескольких шагов вне центра не пройдет, как любой брат ее на плечо и в тачку. Прямо там и трахнет, потом с другими братьями, разом…

– Полиция…

В ответ на это вырвавшееся из ротика мисс Сары слово Винни захихикал своим тоненьким голосом. Глумливо так, противно. Хотя и я сам не смог удержаться от усмешки. Мало того, решил окончательно прояснить ситуацию:

– Я-то знаю, а вот этой мисс надо бы тоже узнать. Скажи-ка, Винни, что сделает полиция, получив заявление от белой, которую хором оттрахали твои соплеменники на своей территории?

– А ничего, мистер русский! Скажут лишь, чтобы цокала в больничку, синяки пудрой мазать. У нас тут эта, как ее… Бро, ты же умный, все русские хоть и бешеные, но умные! Ну, я ж слово это и не скажу…

– Толерантность? Политкорректность?

– Йоу! Типа она… они две сразу! Если копы схватят черного брата, белый адвокат всегда его вытащит, А если «снежок» попробует что-то сделать, его свои же и посадят. Надолго!

– И последний вопрос, – появилась еще купюра в полсотни баксов. – Скажи вот этим двум… «снежкам», – пренебрежительно скривился я, понимая, что эти двое такого прозвища таки да заслуживают своей глупостью и бесхребетностью, – почему твои соплеменники из Гарлема, что в Нью-Йорке, и носу не кажут в Брайтон и прилегающие районы? А в другие – легко и без проблем. Винни поскреб затылок, явно осмысливая поступившую информацию. Дело для него было не слишком привычное, поэтому пауза длилась довольно долго. Наконец он отмер и заявил:

– Чувак, это ж просто! А они что, не знают?

– Они – нет. А мне не верят.

– Во лузеры! Баксов много, а такого не понимают. Гы! Если братья из Гарлема вывернут карманы кому-то на территории русских или там латино – их там же и кончат. Или руки битами переломают! И будет сотня свидетелей, что скажут копам нужное. Типа что этот чел пил виски с ними с утра и до заката.

– А обычные, как ты говоришь, «снежки»?

– Ничего не сделают. И вообще, президент у нас теперь тоже черный брат! Он своих в обиду не даст, йоу! И та белая чувиха, которую он после себя поставить хочет, она тоже это… за нас. Потому как дура, вот!

– Логично. Держи баксы, заработал.

Негр алчно схватил деньги и мигом спрятал их, на всякий случай озираясь по сторонам. Рефлекс, однако. Вечная боязнь того, что кто-то покрупнее да позубастее перехватит доставшийся лакомый кусок. Я же, сказав ему пока не исчезать, обратился к спутникам:

– Отойдите пока в сторонку. Вам дальше слушать наш разговор не стоит.

– Но…

– Хорошо, мистер Доронин, – неожиданно быстро согласился Гоббс. – Пойдемте, Сара. Не будем мешать.

Девушка открыла было рот, чтобы что-то возразить, но взгляд случайно упал на негра Винни, продолжающего хищно пожирать взглядом ее и впрямь не шибко прикрытые прелести. И именно этот хищный взгляд заставил ее сдуться и покорно проследовать вслед за Гоббсом. Ну а я тем временем задал негру еще один вопрос. На сей раз касающийся исключительно моих личных интересов.

– Я сюда из Вашингтона. Аэропорт, металлоискатели…

– И чё?

– Нужен ствол. Два часа. Двойной тариф за срочность.

– Тройной!

– А не подавишься? Два с половиной.

– Ты умеешь взять свое, чувак! – расплылся в улыбке негр. – Номер?

– Триста пятнадцатый.

– Придет один из братьев с пакетом. Спустишься и отдашь деньги. И это… Я не знаю, какой будет ствол. Если хочешь что-то конкретное – нужно время.

– Там посмотрим. Я жду.

Винни кивнул, еще раз оскалился, изображая улыбку, и упылил по своим – а точнее уже частично и моим – делам.

Хорошо. Вот теперь действительно хорошо. Шляться по улицам этого тонущего в беспределе города «пустым» – верный способ найти неприятности на собственную задницу. А вот наличие при себе оружия – другое дело. Пользоваться им я хорошо умею, есть опыт, пусть и не такой большой, как хотелось бы. Впрочем, опыта всегда бывает только мало, ведь нет предела совершенствованию себя в той или иной сфере.

Пока же возвращаюсь к Гоббсу и Дженкинс. Последняя смотрит на меня волком по причине… Нет, пока не могу понять. А, все равно это чудо без перьев сейчас озвучит. И точно, стоило мне подойти поближе, как раздалось тихое, но эмоциональное шипение:

– Это что, заранее купленный вами актер? Дешево и низко пытаться таким способом…

– Снова вынужден попросить вас захлопнуть рот, мисс Дженкинс. И для разнообразия подумать головой, а не отдавать все на откуп эмоциям. Мистер Гоббс может подтвердить, что я понятия не имел, в какой гостинице мы окажемся. И в какое время мы прилетим. А что до возможно возникшей у вас мысли о том, будто я заранее подкупил всю обслугу десятка приличных гостиниц города… Самой-то не смешно?

– И… извините, – потупилась Сара. – Но это выглядело как… Как…

– Злобная карикатура на все то, что вы привыкли считать истиной в последней инстанции? – задал я откровенно риторический вопрос и сам же на него ответил: – Только вот злобной карикатурой на здравый смысл является не это, а вся та реальность, в которой вы живете. Ничего, скоро мы втроем отправимся на экскурсию по тем самым районам Детройта, о которых говорил наш недавний знакомец-негр. Посмотрите на «черных братьев» в естественной среде обитания, полюбуетесь на их повадки. Только вот выходить из автомобиля я крайне не рекомендую. Вас и впрямь могут «на плечо и в машину», чтобы вдумчиво и в

разных позах поиметь сначала там, потом в провонявшем крэком и перегаром доме. Потом передать другим «братьям» и так, пока ты не потеряешь товарный вид.

– Хватит!

Не обратив внимание на этот жалобный крик-просьбу, я продолжал вбивать в ее сознание прописные истины, напрочь игнорируемые большинством в этой странной стране.

– Я то могу прекратить, но кто ж тебе, кошечка, скажет-то горькую, но нужную правду? Кстати, а ты знаешь, что негры, снимая шлюх, при имеющемся выборе всегда предпочтут белую? Не в качестве жены или постоянной подружки, а именно как одноразовую подстилку, «дырку», в которую можно засунуть наиболее грубым и грязным способом. Причем в последние годы они любят снимать сей процесс на видео и потом показывать его приятелям. Комплекс у них такой. Неизлечимый! Стремятся всеми способами показать свое превосходство, но вот получается только такими, первобытными, которые со стороны любым нормальным человеком воспринимаются с глубоким отвращением. Показать видео?

Девушка лишь замотала головой, а на глаза явственно наворачивались слезы. Значит, хватит проводить «шоковую терапию».

– Тогда воздержимся от просмотра порнографии низкого качества. Мистер, Гоббс, будьте столь любезны, проводите мисс Дженкинс до ее номера. Думаю, что ваше общество она сейчас воспримет более благосклонно. Немного отдохнем, а к послеобеденному времени можно будет и на экскурсию по городу выбраться.

Сотрудник корпорации лишь кивнул и, взяв не сопротивлявшуюся девушку под руку, повел ее в сторону лифта. Я же предпочел покамест остаться здесь. Подняться в номер всегда успею, а пока хочется просто понаблюдать за окружающей обстановкой. Просто так, без особых целей и смысла.

* * *

Звонок в номер с просьбой спуститься в вестибюль раздался часа через полтора после того момента, как Винни принял от меня заказ. Что ж, это неплохой знак. Стоило надавить на жадность, и вот он, результат. Поэтому я не мешкая спустился вниз, и взгляд сразу зацепился за совсем уж инородное в гостинице довольно высокого класса тело. Больше всего тело было похоже на разожравшегося до состояния воздушного шара рэпера, облаченного в невероятно цветастую рубаху, кроссовки и классические рэперские штаны. Ну те самые, которые спущены так, что мотня находится ниже колен, как будто болезный носитель прикида обгадился и таскает там несколько килограммов низкосортного сельхозудобрения собственного производства.

Едва портье подтвердил, что это именно он просил вызвать постояльца из номера триста пятнадцать, я подошел к «пузырю» и без долгих прелюдий спросил:

– Принес? – кивок в ответ. – Отлично. Тогда поднимаемся ко мне в номер.

– Баксы? Четыре сотни!

– После. Я заказа не видел. Топай следом.

Ну он и потопал. Понимая, что эта туша явно плохо переносит подъем по лестнице, я шел к лифту. И оказавшись в кабине вот с этим вот представителем хомо сапиенс, я понял, что некоторым людям понятие мытья если и знакомо, то явно понаслышке. Сразу вспомнился студент-одногруппник из очень дальней Азии, с которым все без исключения отказывались находиться за одной партой и за одним стендом во время выполнения лабораторных. Причина? Умопомрачительная вонь немытого тела, нестираных носок и жареной селедки, до которой многие азиаты большие охотники.

«Пузырь» селедку не жрал, но остальные два компонента присутствовали в той же степени. И поэтому меня откровенно тянуло блевать. Утешало лишь то, что как выйдем из лифта, будет полегче.

Ф-фух! Действительно легче. В номере же работает кондиционер, да и освежителем воздуха можно побрызгать. Впрочем, беспокоиться сейчас надо не о том. Не внушает мне этот тип доверия, равно как и негр по имени Винни. Вся эта братия одного розлива, стремится облапошить всех и каждого в меру своих

невеликих мозгов. А если облапошить белого, «снежка» на их жаргоне, так это и вовсе за доблесть считается. Потому держим ухо востро и готовимся к любым неожиданностям.

Открыв номер и пропустив вперед себя «пузыря», я зашел внутрь сам, пяткой пнув дверь, чтобы та сама захлопнулась, после чего сразу перешел к делу:

– Показывай товар!

– Четыре сотни, «снежок», давай их.

– Еще раз вякнешь это слово, шоколадная твоя задница, на собственной бабке учившаяся с бабами обращаться, цена упадет вдвое. А еще вернее, что упадут твои яйца… прямо на пол. Пять, четыре…

Негр возмущенно засопел, явно не привык к тому, что его ставят на место не свои «черные братья», а один из белых эпохи политкорректности. Но нутром своим почуял, что продолжать выделываться опасно. Вжикнул молнией висящей на боку небольшой сумки и достал оттуда короткоствольный револьвер. Да никак это…

– Кольт «кобра», к нему два десятка патронов. Четыре сотни!

– Вот деньги, – показал я «пузырю» четыре купюры. – Кладу их на тумбочку. Ты деньги не берешь, пока я не проверю револьвер. Понял?

Едва я положил деньги на указанное место, как рука «пузыря» дернулась назад, за спину… Только с реакцией у такой жирной бочки с салом были большие проблемы. Да и я ушами хлопать не собирался, ожидая чего-то в этом роде. Не стопроцентно, но вероятность «кидка» со стороны подобной публики была высока.

Четкий удар носком окованного металлом ботинка по яйцам – это гарантированный вывод из строя. Если приложиться от души – в лучшем случае операция по восстановлению нижней анатомии. В худшем… персональное место на кладбище. Зная это, я ударил куда слабее. Так, чтобы пациент всего лишь рухнул на пол и покорчился там минут пять, издавая нечленораздельные стоны.

Хотя… стоны меня раздражают, да и внимание персонала привлечь могут.

Так что ногой его по башке. Опять же не слишком сильно, как раз на то время, которое необходимо для проверки и коротких размышлений. И тишина… хорошо.

Сперва обыскать болезного. Что там у него в сумке? Ф-фу! Пара десятков косяков и пяток пакетиков с белым порошком. Героин или кокаин… мне без разницы, один черт белая смерть. Что, на все руки от скуки, торгуем тем, за что платят и на что есть спрос? Похоже на то. Оставляю сумку в покое – я не доктор-гуманист, чтобы мне было дело до того, чем и как травятся негры. А за чем ты там тянулся, что у тебя за спиной под ремнем? Еще один револьвер, тоже кольт, но уже «питон» с длиной ствола в три дюйма. Не люблю револьверы, но машинка все же неплохая. Беру его, равно как и пару скорозарядников, найденных в карманах «пузыря».

Но чего он так резко дернулся, за пушкой потянулся? Надо проверить. Беру в руки «кобру», откидываю барабан, возвращаю обратно. Взвод курка, нажатие на спуск, проверка на самовзвод… Вроде все нормально, но понимаю, что нормальным тут все быть не может. Или все еще проще? Проверим.

Пинаю «пузыря» заради приведения в чувство, держа под прицелом его же «питона». Единственное, что я сделал до этого, надел на правую руку тонкую нитяную перчатку. Пусть пальчики на стволе будут оставаться только прежнего хозяина. Да-да. Именно прежнего, потому как «питон» приглянулся мне куда больше «кобры». Более мощный, да и вообще…

– Просыпайся, «шоколадка». Или тебя еще раз пнуть? – протестующий стон в ответ. – Не хочешь? Ладно, не буду. Чего тебе было надо, придурок? Отвечай, а то продырявлю, сказав, что ты попытался меня ограбить. В сумке у тебя дурь, на револьвере твои отпечатки… Даже самый американский суд в мире ничего против не скажет. Ну, давай!

– Богатый беленький парень платит чуть не втрое больше за ствол. Значит, можно показать товар и взять все, – простонал «пузырь». – Надо было Винни послушать… Он говорил, что ствол нужен резкому челу… Ой-е-е…

– Жадность и глупость – убойное сочетание, – усмехнулся я, поняв суть. – Ну никак с вами, порождениями Африки, по-хорошему не получается. В общем, так.

В качестве штрафа возьму твой «питон». Если хочешь, то можешь рассказать, как заезжий белый тебя отпинал, отобрал оружие и пинками выставил из номера. Вот остальные обхохочутся-то!

– У-у, – загудел негр, явно страдая как телесно, так и душевно.

– Вставай давай и выметайся. «Кобру» возвращаю, правда без патронов. Нечего вводить скудоумного тебя в искушение. Так что подбирай револьвер и пшёл вон отсюда.

«Пузырь», покряхтывая и пошатываясь, поднялся, подобрал разряженный револьвер и побрел к выходу. Отворил дверь и… вылетел в коридор от увесистого пинка под зад. Как ни крути, а если я упоминал про «выставление пинками», то грешно не держать обещаний. Вот и привел их в соответствие с реальностью.

Все, главную проблему, а именно безопасность себя любимого, хоть немного, но сгладили. Человек со стволом и человек без оного – это две ну очень большие разницы. Теперь чуток подремать, заказать в номер чего-нибудь пожевать. После чего можно и собираться. Как-никак именно мне устраивать Гоббсу с Дженкинс экскурсию по тому, что осталось от Детройта. И все же… негры, они такие негры!

* * *

Экскурсия выдалась… насыщенной. Начать с того, что видок у Сары был такой, что сразу вспоминалось выражение «краше в гроб кладут». Похоже, что моя ускоренная ломка навязанных с детства стереотипов, совершаемая со всем знанием дела, шла именно так, как и задумывалось. Внушаемые окружением и изливаемые изо всех СМИ установки вошли в жесткое противостояние с реальностью. Мои слова, подкрепленные данными и фотографиями, ее собственная проверка и отсутствие противоречий… Затем этот самый Винни, «представитель афроамериканского меньшинства» в том городе, где оно давно стало большинством. Его абсолютно естественные речи про родные места и отношение к «снежкам», в которых были смешаны исконная ненависть и лишь последним поколением приобретенное презрение к склонившимися перед не победителями, но вечными побежденными потомками рабов… И четкое понимание того, что скоро можно будет обходиться даже без привычных мантр о

«притеснении меньшинств» и «искуплении вины предков, угнетавших черных братьев».

И вот теперь последний этап слома установок – вид тех мест, где почти не осталось белых, вид творящегося там. Разруха, грязь, мусор и самое что ни на есть дерьмо посреди улиц. Отливающий прямо на фонарный столб негр. Стайки подростков, передающие по кругу косяк. Те самые надписи «black owned», то есть «принадлежит черным», о которых я говорил и которые красовались на десятках фотографий. Шлюха, отсасывающая у клиента чуть ли не у всех на виду, доносящиеся из полуразрушенных домов крики и визги не то избиваемых, не то насилуемых.

Воистину постапокалиптические зрелища. Атмосфера распада и гниения, среди которой дикари пируют и просто живут на остатках цивилизации. И, что самое главное, местных обитателей вполне устраивает это место, они не стремятся менять его к лучшему. Привычная картина. Жили у меня знакомые в ЮАР. Жили, но быстро слиняли, видя, во что превращаются некогда цветущие мегаполисы. Избавившиеся от апартеида аборигены быстро и качественно принялись загаживать район за районом. Теперь даже в столице далеко не везде работают лифты, свет, канализация, водопровод. И никого это особо не волнует. Ну а центр… Для поддержания его в мало-мальски пристойном виде используют квалифицированных специалистов «со стороны». А еще недавно принятый закон о насильственном отчуждении земельных угодий у всех белых. Что тут сказать, все как в бывшей Родезии, а нынешней Зимбабве. И результат будет такой же, только с отставанием на соответствующее число лет. И это не исключение. Это – правило.

За рулем не наемный шофер, а Гоббс, чтобы не было никого постороннего, смазывающего эффект. На заднем сиденье я и Сара Дженкинс. И мой спокойный голос, комментирующий то одну картину, то другую. Никаких эмоций на сей раз, исключительно факты и их сочетание с рассказанным и изложенным ранее. Крыть тут нечем, как пытаться перебить выпавший игроку в покере флэш-рояль. А своего «каре с джокером» у этих двоих нет. Совсем нет.

– Остановись…

– Хорошо, я пока помолчу, – соглашаюсь я. – Да тут и слов не надо, просто смотри и запоминай. Это будущее большинства городов твоей страны. Близкое будущее.

– Останови машину. Надо выйти. Мне плохо! Не могу видеть, слышать… Ты выворачиваешь наизнанку весь мир, сукин ты сын! Еще немного и я сойду с ума!

– Мистер Гоббс… Остановите машину в месте потише. Пусть дама выйдет подышать свежим… Хотя откуда здесь свежий воздух, все провоняло мусором, дерьмом и крэком.

Наш автомобиль остановился, свернув с относительно людной улицы на более узкую и куда более пустынную. Едва дождавшись полной остановки нашего транспорта, Сара рванулась наружу, словно из тюрьмы на волю. Отбежала шагов на восемь и остановилась, глубоко дыша и обхватив себя руками, как будто вокруг было холодно. На самом же деле светило солнышко, температура соответствовала времени года и вообще было весьма и весьма тепло. Нервы, однако!

Зато у меня появилась возможность переброситься несколькими словами с Гоббсом, что я и не преминул сделать.

– Как по мне, так теперь истинность моего аналитического доклада будет сложновато опровергнуть. Зато не исключено, что лицо пресс-службы корпорации несколько изменит свою позицию. Не находите это ироничным?

– Вы жестоки, мистер Доронин…

– Жесток? Скорее жёсток. Да и не столько я, сколько сама жизнь вокруг. У этой девочки, – поворачиваю голову в сторону Сары, – был огромный шанс рано или поздно вляпаться в серьезные неприятности. Она же всерьёз верила во всю ту чушь, которой дурят головы подавляющему большинству граждан вашей страны. Так пусть лучше снимет розовые очки сейчас, чем жизнь расколотит вдребезги все глупые иллюзии. Такой вариант куда больнее и с гораздо боле печальными последствиями. Иногда и вовсе фатальными.

– Полагаю, вы все же преувеличиваете. Это место… исключение. Все еще может…

Я поднял руку, жестом останавливая речь Гоббса. Эт-то еще что за нафиг?! Куда ж тебя, странную сущность по имени Сара, понесло? Я ж тебе на твоем родном

языке говорил, чтобы не смела никуда от машины отходить.

– Сиди тут, – бросаю Гоббсу, покидая машину и с силой захлопывая за собой дверцу. И оказавшись снаружи, кричу: – Тебя куда понесло? А ну назад, быстро!

– Там кто-то кричит! Женщина… Может, нужна помощь, может, ей плохо!

Ду-ура! Я даже не знаю, что тут еще можно сказать. Это ж не привычные тебе относительно спокойные места, это черный квартал во всей своей красе. Полиция сюда набегает очень выборочно. Да и то далеко не всегда рискует вмешиваться, откровенно говоря.

Хватит с меня всего этого. Сейчас догоню, поймаю, переброшу через плечо и, невзирая на все визги-писки, закину в салон авто и прикажу везти в аэропорт. Экскурсия уже проведена, впечатлений оба моих спутника массу получили. Все, работа выполнена, с какой стороны ни посмотри.

Быстро бежит, и каблуки на туфлях не мешают! Вот ведь… Причем куда-то совсем в глухой переулок, куда в здравом уме…

Сворачиваю туда и сам. И почти сразу останавливаюсь, потому как дальше бежать смысла нет. Вот он, источник крика, на который бежала Сара. Не впечатлило… Потасканная негритянка лет тридцати с гаком, одетая в вызывающий наряд шлюхи, прислонившаяся к стене полуразвалившегося четырехэтажного дома и оглушительно верещащая. А ее хлещет по морде высокий и тощий негр, предъявляя вполне четкие претензии:

– Барби, сучка жопастая, ты куда дела два десятка доз чистого кокса? Ты же, членососка, еще с утра сказала, что загнала и отдашь бабки? Сама снюхала? Ты ж у меня больше не получишь!

– Ай, Бобби, не я это! – взвизгивала шлюха в перерывах между визгами. – У меня сумочку сперли. Там и мазилки, и сотовый, и деньги… Не виновата я! И мне доза нужна-а!

Картина маслом. Только засматриваться на нее не стоит, потому как тут не только эти двое, но еще и четверо свидетелей, причем у всех, как и у Бобби, на

голове белая с зелеными пятнами бандана. Как я понимаю, отличительный знак одной из местных банд, чтобы издалека своих видеть и не перепутать.

– Сара. А ну давай отсюда подальше. Не видишь, люди делом заняты. Сутенер лупит шлюху наркоманку за пролюбленный кокаин. Тут жалеть некого, все хороши.

– Но… Я… не знала.

– Теперь знаешь.

Хватаю дурочку за руку и уже собираюсь было тащить это глупое создание по обратному маршруту, как ситуация резко меняется. В плохую для нас сторону.

– Ты только осмотри, Майки, какая сладенькая белая девочка к нам пришла! – масляным взглядом буквально раздевая дурёху, прогнусавил один из четырех бандюков. – Это тебе не Барби, у которой хоть в п…ду, хоть в жопу уже кулак пролезет. Свеженькая, нерастянутая.

– Точно, бро, на всех нас хватит. Только я первый!

– Первый – я! – а это уже тот самый Бобби, оторвавшийся от бития шлюхи-наркоманки. – Иди сюда, киска, я тебе покажу, что у меня и больше, и толще, чем у всех тех, с кем ты раньше трахалась. А ты, снежок, – это уже ко мне, как я понимаю, – деньги, мобилу и прочее из карманов, да и куртка клеевая, тоже снимай. И беги отсюда. Пока мы добрые. А киска потом к тебе придет… если захочет.

Громкий хохот, как его, так и других негров… Полная борзота и абсолютная уверенность в себе. Чувствуют себя дома, это их территория, а белых уже давно отвыкли бояться. Нет в Детройте ни байкерских банд, ни «арийского братства». Вот при виде кожанки с символом «1 %»[3 - «Однопроцентники» – так называют себя члены байкерских банд или те байкеры, которые не гнушаются пристрелить любого, кто попытается на них наехать.] или кельтского креста на шее вся эта гопкомпания мигом бы сходила по большому и предпочла тихо слиться[4 - Кельтский крест – самый распространенный символ «арийского братства» – одной из самых отмороженных банд в США. Контролируют большинство тюрем, торгуют оружием и взрывчаткой. Любому, замешанному в нападении на одного

из «братьев» выносится смертный приговор, приводимый в исполнение в любой точке мира, независимо от положения жертвы. Жесточайшая дисциплина. Любая попытка сотрудничать с властями карается смертью. Приговор приводят в исполнение «арийцы»-новички. Члены братства говорят: «Кровь впускаем – кровь выпускаем».].

– Конечно, сейчас все сделаю!

Нотки испуга в голос, да подостовернее, чтобы точно поверили. Дикий страх в глазах девушки…

Делаю вид, что готовлюсь вытащить из карманов все ценное. Достаю смартфон, весьма навороченный, и сразу видно, что дорогой и… роняю его на землю. Старый, очень старый прием отвлечения внимания. Взгляды всех пятерых ошибок теории эволюции притягиваются к упавшему предмету, ну а я рывком выхватываю из-под ремня револьвер.

Стрельба двойками на близкой дистанции – жестокая и беспощадная, если руки растут из нужного места. Первый дуплет в грудь получил тот самый Бобби. Главарей всегда надо выбивать первыми. Второй достался Майку – как особо говорливому… Не мой все же это ствол, да и практики нема… Поэтому Майки обзавелся дырками в брюхе…. Результат все одно фатальный, но сдохнет не сразу, а еще минут дцать будет орать, аки резаная свинья.

Фора кончилась… Две оставшиеся в барабане пули уходят уже по движущимся целям, да и сам я перекатом ухожу влево, под прикрытие вонючего, но все же пригодного для укрытия мусорного бака. И успеваю отметить, что еще одна пуля попала в цель… Пока объект жив, но валяется на замусоренном асфальте, держась за простреленное колено и блажит на всю округу противным таким голосом.

Благослови боги скорозарядники! Без них перезарядка опустевшего револьвера была бы делом долгим и опасным. Ведь пауза – явное приглашение противнику сократить дистанцию, выйти на траекторию стрельбы и «порадовать» меткой пулей. А так… Откинуть барабан, экстрактировать разом все стреляные гильзы, после чего скорозарядник в барабан, повернуть, чувствуя, как освобождаются удерживаемые им патроны… Отпустить, пусть падает под ноги, после чего резким движением руки с револьвером поставить барабан на место. И снова

готовность к стрельбе.

– Сара, греби тебя через колено! – ору я девушке, стоящей на месте и обхватившей голову руками. – В сторону, укройся!

Стоит… Шок. Ну а что я тут сделать могу? Героически броситься ее спасать, с большой вероятностью подставляясь под пули? Велика честь, она мне не просто никто, но еще и откровенно достала. Поэтому спасти ее хочу, стараюсь, но не до дурного героизма. А вот поставить точку в незавершенном деле – это надо. Прицеливаюсь, стреляю… Вопли подранка с подстреленной ногой как отрезало. Ну да, с пулей в башке, как правило, уже не кричат. Мертвецы, они вообще молчаливые.

– Мы тебя достанем, сраный «снежок»! – истерический визг раздается почти сразу. – Ты отсюда не уйдешь, сейчас я звоню по телефону и «праведники» выбьют все дерьмо из твоей белой задницы. Я тебе лично собачий хрен в жопу вставлю! И сучку сейчас твою пристрелю!

– Ты ж ей вставить грозился? – отвечаю, сам прикидывая, откуда именно раздается голос. Точнее то, за какой именно из мусорных куч расположился говорливый ушлепок. – Или предпочитаешь трахать мертвую, а на живую не встает?

Брань в ответ, только вот английский бедноват на выражения, а чтобы сплести из обычных слов нечто унизительное… Помилуй боги, так для этого умение надобно и хоть немного мозга. А он у этих недоделков только спинной, по моему глубокому убеждению.

Три выстрела подряд, каждый раз сдвигая прицел чуть в сторону. И сдавленное бульканье, едва различимое на расстоянии. Попал… Что тут сказать – бандюк не понял простую истину – если ты укрылся от взгляда врага, это еще не значит, что укрытие защитит тебя от его пули. А бытовой мусор, он свойствами брони не обладает.

Четыре в минус, остался последний. Значит… Подозрительный звук с тыла. Поворачиваюсь, и прежде чем мозг успевает осознать переданную глазами информацию, тело уже действует. Выстрел, еще… И рывок вперед, на сокращение дистанции, потому как барабан уже во второй раз опустел.

Трое… На шум приперлись трое. Те же банданы. Значит, «праведники», та же самая банда. Неудивительно, если это их территория. Просто занесло за звуки выстрелов, проверить, что да как. И двоих я снял или наглухо, или просто ранил – это не суть. Главное, что иного варианта не было. Промедлил бы чуток – меня бы изрешетили с трех стволов. Тут бандиты пустыми не ходят, все при оружии.

У последнего стоящего на ногах негра глаза стали… как у героев японских мультиков: большие, круглые, удивленные. Вот-вот наружу погулять выйдут. Но ударил я стволом в шею. Тычком, дробя в кашу кадык. Пустой револьвер падает вниз. Времени на перезарядку нет. И сразу подхватить пистолет, даже не успеваю понять, какой именно марки. Рука на автомате сдвигает флажок предохранителя, на всякий случай передергиваю затвор… ну да, патрона в стволе не было! Два выстрела, по одному на брата, для добивания подранков. Оба были еще живы и опасны…

Удар. В спину, как будто кувалдой. С трудом удерживаюсь на ногах, пытаюсь развернуться, но второй удар… Бросает на землю, в голове все мутится, приходит боль. БОЛЬ! Медленно текут секунды. И чувствую, как сердце, вместо того чтобы гнать кровь по телу, еще и выплескивает ее под давлением наружу.

Подстрелили… Глупо. Сквозь туман вижу, как из-за укрытия выходит тот самый, последний из первоначальной пятерки. И идет в сторону девушки, которая только сейчас начала выходить из состояния шока. Кричит что-то непонятное, никак не складывающееся в слова… Нет, это только я ничего не понимаю.

Снова понимаю… Просит, чтобы ее не трогали! Глупая… Таких как ты как раз и трогают. Чтобы НЕ трогали, надо уметь стрелять в тех, кто захочет сделать что-то плохое. Она же этого не умеет. Слабая… Не ее вина. Мысли опять путаются.

Уметь стрелять. Я вот умею… И в руке пистолет. Только рука никак не хочет работать. Почему? Ранен… Но если мысли еще ворочаются в голове… То не убит! Древние что-то там говорили… Разум двигает материю! А я материя или разум? Наверное, все же разум, потому что материи больно. Мне уже нет…

Плевать! Зато могу стрелять, рука снова двигается. Медленно, с огромными усилиями поднимаю руку, прицеливаюсь… Сложно разглядеть мушку. Навожу по линии ствола, хорошо хоть расстояние позволяет. Нажать на спуск. Отдача выбивает пистолет из руки, рука снова падает. Но я попал… Попал! Из головы

негра в бандане выплескивается что-то не то красное, не то серое. Не вижу. Устал… Как же все глупо. Был бы шанс снова… начать снова. И отомстить! Кому? Кто допустил, чтобы такая глупая и нелепая ситуация вообще могла возникнуть… Неважно. Главное – месть. Спать… Темнота.

Глава 1

США, штат Джорджия, близ Бэйнбриджа, май 1860 года

Значит, все это было не сном. Или сном? Ведь нет ни боли от ран, ни самих ран. И вообще… Тело – не мое! Другие руки, ноги. Нет полученных в разное время шрамов и с давних времен присутствующих родинок. Зато есть другие, которых у меня точно никогда не имелось.

Ну ни себе же! Кхм, да, вот это неожиданно. Но с другой стороны, не мне жаловаться, не мне! Лучше уж оказаться неведомо где, чем помереть от пары пуль, нанесших «несовместимые с жизнью повреждения», как любят говорить граждане эскулапы.

Тело не мое. Зато разум свой собственный, никакими раздвоениями личности не затронутый. И это не может не радовать. А уж как меня радует полученный «второй шанс» – так и словами не описать!

Вот только где я и КТО я в глазах окружающих? Терзают меня вовсе не смутные сомнения, что тут не «избушка реконструкторов», а нечто более серьезное и могущее показаться невероятным. Как в тех самых книжках, которые я, любитель почитать в свободное время, частенько просматривал.

Встаю, покачиваясь, держась сначала за спинку кровати, а потом, сделав пару шагов, опираюсь рукой о стену. Штормит-с, однако! Так, а что это у нас на стене висит? А это фотография, причем одновременно и новая, и старая. Новая – потому как не затронутая временем. Старая… бумага и качество, привычному для меня не соответствующее. И впрямь тем самым XIX веком попахивает.

На фото же изображена семья: мать, отец и трое детей. Если точнее, то сын и две дочери. Погодки или около того, лет им… Старшему я бы дал лет шестнадцать-семнадцать, ну а девочки помладше на пару лет. Логичным будет предположить, что… Нет, пока об этом рано, я свою морду лица рассмотреть не сумел. Зеркало бы найти. Да только на стене его не висит, а рыться по ящикам стола и в шкафу… Шума много будет, а этого мне пока как-то не шибко хочется. Привлекать внимание к себе любимому, который ничего не помнит насчет прошлого своего тела и здешних реалий…

Память! Дикая вспышка боли, и вот я уже оседаю на пол, хватаясь за голову. В голове словно бы открылась потайная дверца, а из нее под давлением поперли воспоминания того, чье место я занял. Все воспоминания, от детских до последнего до моего вселения дня. И сейчас весь огромный массив информации пытался устроиться в моей черепушке. Отсюда и приступ головной боли. Ничего, мозг, он машина посерьезнее любого суперкомпьютера по своим потенциальным возможностям. Переварит. По крайней мере, я сильно на это рассчитываю.

Уж не знаю сколько я так просидел. Думаю, минут двадцать-тридцать. Но в конце концов и голова затихла, и первые «пакеты» информации о прежнем владельце тела стали всплывать откуда-то из глубины теперь уже моей памяти.

Теперь я знаю ответ на те самые два вопроса. Отныне меня зовут Виктор Станич, двадцати лет от роду. Спасибо вам, неведомые боги и демоны еще и за то, что почти десяток лет возраста сбросили. Жизнь, она штука такая, двадцатилетним телом обладать куда приятнее, чем тридцатилетним. Правда, мускулатура не столь развита. Вернее развита, но не по тому стилю, который я для себя во время занятий боевыми искусствами выработал. Ну да ничего, это дело поправимое, причем даже не особо сложное. Энное количество свободного времени, желание и упорство в достижении цели. И все получится, гарантия!

А нахожусь я таки да в США, в мае одна тысяча восемьсот шестидесятого года. Это если в общем. Что же до частностей, то тут тоже все прояснилось. Штат Джорджия, окрестности города Бэйнбриджа, дом семьи Станич. А вокруг собственно дома хлопковая плантация. Не сказать чтобы совсем уж обширная, но вполне себе немаленькая. Семейство моего донора не бедствовало, да и определенным весом в округе пользовалось.

Хотя осталось от этого семейства немного: сам донор да две его сестры. Те самые трое детей на фотографии. Мать же с отцом, Александр и Полина

Станичи, два года тому назад подхватили очень опасный в этот временной период грипп. Осложнение и… нет больше Александра и Полины Станич.

И вот уже два года бывший хозяин тела являлся главой семейства, в меру сил и способностей управляясь с довольно обширным хозяйством: плантацией хлопка, шестью десятками рабов, занятых как на ее обслуживании, так и по дому. К этому еще стоило добавить самую малость ориентированного на обеспечение самих рабов натурального хозяйства. Сам он, равно как и я, не слишком в этом соображал. Зато хватило ума и сообразительности прислушиваться к советам старого и опытного управляющего, работающего на Станичей уже более чем два десятка лет. Этот управляющий, Рамон Круз, действительно знал свое дело. И своего жалованья однозначно стоил. Хотя, надо признать, некоторые соседи косо на него посматривали. Мексиканец же! А в свете сложных отношений с Мексикой подобная реакция была неудивительной.

К тому, прежнему Виктору порой аккуратно так и вежливо подкатывали соседи-плантаторы. Дескать, негоже такого в должности управляющего держать. Предлагали, причем от чистого сердца, другие кандидатуры, которые и запрашивали поменьше, и хорошей репутацией обладали. Однако хватило и ума, и твердости характера все с той же вежливостью, но непреклонно отказывать. Дескать, от добра добра не ищут.

И не прогадал. Доходы с плантации ничуть не упали, как можно было опасаться. Все шло по накатанной колее. Сам же Виктор Станич находился, скажем так… на распутье. Никак не мог найти свой жизненный путь. Оставаться и потихоньку развивать доставшееся от родителей, заботиться о пока еще молодых сестрах? Не самый интересный был для него путь. Поступить в один из университетов? Об этом он серьезно подумывал. Да и военная карьера его тоже манила, но вот дисциплина в армейской среде не радовала. Слишком был свободолюбив и независим. Вот и откладывал решение до поры.

Ну а дух авантюризма… Жажда приключений худо-бедно утолялась активным участием в «патрулях», которые поддерживали порядок в окрестностях Бэйнбриджа. Занятие это было небезопасным, но уважаемым и даже престижным.

В чем суть? Тут стоило остановиться на особенности жизни в южных штатах. Почти половину составляли рабы и поворачиваться к большинству из них спиной… не стоило. Суть господ негров, она вечна и неизменна. Чуют силу –

будут кланяться и полировать сапоги. Почуют, что ты слаб и нет никакого риска – непременно ударят в спину. Причем это совершенно не зависело от пребывания оных в зависимом или свободном состоянии. Что они многократно и доказывали с самого начала столкновения черной и белой расы вплоть до современной мне исторической эпохи.

Впрочем, мысль съехала несколько в сторону. В городах Юга было вполне себе спокойно, потому как и полиция присутствовала, и негров в городах было… немного. Ровно столько, сколько необходимо для самых грязных работ и для прислуживания состоятельным горожанам. Зато за пределами городов все было куда как более серьезно.

Любой дом плантатора был по умолчанию еще и довольно крепким местом, где, в случае чего, можно было укрыться и из-за крепких стен отстреливаться. От кого? От беглых рабов, которые частенько сбивались в шайки и пытались перед бегством на Север поживиться деньгами и прочим ценным и не очень имуществом. Да, нападения были редким явлением, но о таковой возможности всегда помнили.

Над Югом словно витала частица духа Спарты. Не в смысле аскетизма и прочего, о нет. Южане были куда более северян склонны к радостям жизни и не забивали голову пуританскими бреднями и прочим, близким к аскетизму. Тут иное. Как известно, спартиат всегда был готов к нападению илотов, этого порабощенного населения. И это считалось естественным, илотов не придавливали до конца. Спартанские цари разумно считали, что свободный человек в любой момент должен был готов сражаться с оружием в руках за эту самую свободу.

Вот и в южных штатах давненько сложилась чем-то схожая ситуация. Были «патрули», которые разгоняли или просто ликвидировали шайки беглых рабов. Отлавливали и возвращали в случаях, если те еще ничего серьезного не учинили. Вырезали до последнего негра, если на их руках уже была «белая» кровь. Обычным делом считалось уйти в далекий рейд по следам особо отметившихся. И плевать, что они уже были за пределами Юга. Хватали и вешали на ближайшем дереве и на территории Севера. Но вместе с тем не выжигали каленым железом мысли о побеге. Да, та самая поддержка статус-кво, держащая всех в тонусе. Хорошо это или плохо? Кому как, мнения могут быть различные. Но как по мне, положительного тут было все же больше.

Вот в одном из таких рейдов моему донору и прилетело… Камнем из пращи по голове, просто и банально. Беспамятную его тушку доставили домой и принялись лечить. Лечили уже три дня, но в сознание тело до сих пор не приходило. Пришло только сейчас, с моим в него вселением. Похоже, что душа уже покинула тело, я же занял освободившееся место. И теперь постараюсь до-олго отсюда не вылезать. Лет шестьдесят уж точно!

Ну все, хватит сидеть на полу! Пора вставать, приводить себя в пристойный вид, то есть одеваться, бриться и «выходить в люди». Хотя бы в пределах собственного, млин, дома. Заодно и познакомиться с сестрами, благо память прежнего хозяина тела более-менее прояснилась. Но память это одно, а собственное впечатление – совсем другое. Вот и составим его, ведь именно мне жить с ними бок о бок. Или не жить, в зависимости как раз от этого самого впечатления. Себя подстраивать под мир я как-то не склонен, лучше уж его попробовать под себя переломить.

Неслабая такая заявка, да? Согласен. Но ведь и время за окном соответствующее. Время перемен. То самое, которое из китайского проклятия. Чтоб тебе жить во времена перемен! Так говорили хитрозадые азиаты, по натуре своей довольно трусоватые и склонные как раз приспосабливаться и ценить стабильность превыше всего. И неважно, что стабильность может быть и посреди кишащего лягушками и затянутого ряской болота. Стабильность!

А ведь у тех же самых китайцев иероглиф «кризис» может означать как «опасность», так и «шанс». Вот я и предпочту видеть в надвигающейся на эти места буре не столько угрозу, сколько серьезный шанс для себя лично. Как ни крути, а есть у меня определенные преимущества. Хотя бы в том, что я мало-мальски помню то, что должно произойти в течение ближайших нескольких лет. Именно они и будут ключевыми в той партии, которую я хочу начать в самом скором времени.

Одежда, где ты! Ага, в шкафу. Нормальные штаны, в которых не стыдно за пределы комнаты выйти. Рубашку… тоже лучше сменить. Что же насчет причесаться и особенно побриться, то это чуть позже. Не вижу я здесь бритвы, мыла и даже расчески. Зато в ящике письменного стола нашел другой предмет, очень сильно меня заинтересовавший.

Пистолет. Не револьвер, которые к этому времени уже появились и приобрели огромную популярность, а именно пистолет. Многозарядный, само собой

разумеется, и очень мне понравившийся с первого взгляда.

«Вулканик». Вот такое у пушки название. Слышал я о ней, но буквально краем уха. Дескать, было такое оружие, но именно что было, особого следа после себя не оставив. А вот я смотрю на это бесследно исчезнувшее оружие и понимаю – это если и не любовь с первого взгляда, то уж глубокая симпатия точно. Десятизарядный, с высокой точностью боя и неплохой мощностью. Самовзвода, понятное дело, нет, перезарядка рычажная, по примеру винтовки Генри, а по сути знаменитого «винчестера». Рычажная скоба прямо под спусковым крючком, усилие прилагается довольно слабое. Спуск мягкий опять же. Что еще радует – магазин хоть и неотъемный, но трубчатый, значит, можно туда загонять новые заряды в любой момент. Для этого нужно было нажать на специальный рычаг, повернуть магазин вокруг своей оси и по одному заталкивать боеприпасы вперед в открывшееся «окно». В сравнении с привычными мне пистолетами та еще морока, но вот если сравнивать с перезарядкой древних револьверов – это еще как сказать! Открытие или вообще съем барабана, экстрактирование стреляных гильз по одной, причем с помощью специального штыря-экстрактора, затем поочередная же зарядка камор… Гемор тот еще! Нет, нафиг мороку с револьверами этого времени, пистолет, пусть и архаичный, мне куда больше нравится.

Тем паче я его уже и зарядить успел между делом. Пока вспоминал-изучал. Десять зарядов, все как один. Теперь его в кобуру. Кобуру на пояс. Все, можно и в люди. Относительно бодр, вооружен и вообще готов к любым свершениям.

Скрип открывающейся двери… И на рефлексе разворачиваюсь, выхватывая было из кобуры пистолет… Хорошо хоть успеваю задержать движение, одновременно поняв, что тут угрозы быть не может, и узнав доставшейся памятью входящую в комнату девушку хрупкого телосложения, одетую в блинное светло-синее платье, и с платиновыми волосами, заплетенными в доходящую до пояса косу.

– Вик? Ты… очнулся! Вик!

Искренняя радость в голосе. Слова переходят в радостный визг, и превратившаяся в синий вихрь девушка бросается мне на шею. Мда… Хоть и хрупкая, хоть и невеликого веса, но ведь могла и обрушить на пол от избытка энтузиазма. Как-никак я еще слабовато на ногах держусь. Ну да обошлось. А спустя несколько секунд и сама девушка отпрянула, пробормотав:

– Ой, Вик… Прости, я же не подумала. Что ты можешь быть еще слаб. Но… Тебе надо лежать! Доктор нас всех так напугал! Меня и Марию! И Рамон беспокоился. И твои друзья приходили справляться о твоем здоровье. И наши соседи. Ой, что это я… Мари! Мари, брат очнулся!

Только что была и вот уже сплыла. Унеслась из комнаты. Словно миниатюрное торнадо, до краев заполненное жизненной энергией и энтузиазмом. Однако!

Сестра донора. Одна из двух, по имени Елена. Вторую же зовут Марией и, как я помню, у той характер поспокойней. Погодки. Елене восемнадцать, а Марии соответственно семнадцать натикало.

А Елена мне понравилась. По первому впечатлению так точно. Милая, непосредственная и совершенно искренне беспокоится за своего брата. Хм, пусть его и нет, осталась лишь оболочка, но обижать эту милашку и сам не собираюсь, и другим не позволю. Попытавшимся же гарантированно оторву либо руки, либо сразу яйца, после чего сожрать заставлю.

Выхожу из комнаты, в которой состоялось мое первое знакомство с новым миром. Да уж, обстановка в стиле суперретро, что тут еще можно сказать! Дерево, стены украшены то простенькими пейзажиками, то охотничьими трофеями. До охоты были охочи как отец тела, так и его дед. Тот самый, который и перебрался в США из Европы. Из России, если быть точным. Кстати, это большой такой для меня плюс, потому как не придется выкручиваться насчет знания русского языка. Он ведь для меня единственный родной, а значит, словечки будут чисто на автомате вырываться, в том числе и даже в первую очередь малоцензурные.

Каким ветром сюда занесло деда моего теперешнего тела? О, тут отдельный разговор. Но если кратко, то он ухитрился нажить себе серьезных врагов вреди титулованной аристократии, проткнув на дуэлях с пяток их родственников. Насмерть, конечно. Понимая, что спокойного житья больше не будет, да и неспокойное долго не продлится – найти бретера, готового за деньги спровоцировать Станича на поединок и там превратить в подушечку для иголок, не так и сложно – Петр Станич решил собрать манатки и совершить стратегическое отступления в направлении «куда подальше». Как его предок от турок, в елизаветинские времена. Так он и оказался в Америке вместе с женой, дочерью и достаточно большой суммой, полученной от продажи всего движимого и недвижимого. Обладая капиталом и буйным нравом, заставил

соседей с собой считаться, а там и привыкли к этому довольно чужеродному в местной среде элементу. Привычка переросла в нечто большее, особенно после того, как первый на землях Юга Станич не просто показал буйный свой нрав, но применил по прямому назначению, ввязавшись в несколько серьезных заварушек со стрельбой и трупами.

Произошло… укоренение. А уж его дочь, вышедшая замуж за Александра Каширского, бежавшего за океан от долгов поляка, воспринималась местными как неотъемлемая деталь пейзажа.

Кстати, русский язык Станичи не просто не забывали, а использовали как основной внутри семьи. Наказ Петра, да и просто природное упрямство и нежелание отрываться от корней. Равно как и наказ по возможности сохранять славянскую кровь. Если же не кровь, то уж дух точно. То есть любой человек иного языка, входящий в семью, обязан был прежде проникнуться сутью того, что так ценил основатель рода.

Уважаю! Нет, действительно уважаю, без тени иронии. Кстати, отсюда и некоторые мелочи в быту, вроде той же косы у Елены. Несвойственная для американцев, кстати, но одновременно и привлекающая взгляд всех окрестных парней из семей плантаторов. Только сама девушка пока еще не сильно интересовалась противоположным полом. Хотя вроде как уже восемнадцать лет красотке! Именно красотке, уж в этом я сроду не ошибался.

Пока я «вспоминал» историю рода Станич, раздался цокот женских туфелек. На сей раз в двойном количестве. Вот и обе сестры пожаловали. Мда. День и ночь! Внешне похожи, сразу видна родственная кровь, но вот стиль и впечатление… Елена – с ней все понятно. Зато Мария… Если первая сравнима с оранжерейным цветком или изящной статуэткой слоновой кости, то вот вторая если кого и напоминает, то лишь валькирию, по какой-то непонятной ошибке оставившую меч и доспех, взамен последнего облачившуюся в серо-стальное платье.

– Брат! – и голос жесткий, волевой. – Я так и знала, что этот доктор ошибается. Ну не мог тебя серьезно ранить какой-то беглый черномазый. Его, к слову, твои друзья поймали и повесили низко… Сказали, что четверть часа «танцевал» в петле.

– Мари! Как ты можешь…

– Я говорю то, что должно, – сверкнула голубыми глазищами младшая. – И Виктор этому лишь рад. Да, брат?

– Радость – это не совсем то. Рад я вас обеих видеть. А это, – небрежно отмахиваюсь. – Ты, Мари, верно сказала. Сделано то, что и нужно было сделать. И, Лен, со мной действительно все в порядке. Просто хочу на свежий воздух. Стены… немного давят. Пойдемте со мной, близ дома прогуляемся?

* * *

Вхождение в образ. Именно этим я занимался неделю после своего здесь появления. Легкие нестыковки замечательно списывались на последствия удара по голове. Да и то относились они не к памяти – с ней, слава богам, все было в порядке – а к изменившемуся поведению. Оно, по словам тех же сестер, особенно Елены, стало куда более жестким и резким. Не к ним, конечно, а к слабознакомым людям. Словно бы, по ее словам, я быстро и резко повзрослел, отбросив в сторону всю свойственную ранее юношескую горячность и некоторый идеализм.

Ну да тут было легко отбрехнуться, сказав, что порой один прилетевший в голову камень заставляет быстро провести переоценку ценностей и более серьезно относиться к окружающему миру.

Кстати, по той же отмазке удалось объяснить резко проснувшийся интерес к собственным владениям и поездкам по окрестностям. Дескать, хочется своими глазами как следует удостовериться в том, что хозяйство не просто ведется, а ведется с максимальной эффективностью. Обязанность хозяина как-никак, пусть немало крупных плантаторов и сваливали большую часть хлопот на управляющих.

Надо было видеть, как обрадовался Рамон Круз. Оказалось, что он раньше прикладывал немалые усилия для того, чтобы почаще вытаскивать юного плантатора на профилактический осмотр территории. А тут вдруг сам, да еще и подгонять не надо… В общем, пары дней хватило, чтобы сунуть свой любопытный нос во все мало-мальски интересные углы, да и просто проехаться по окрестностям.

Проехаться, да… Раньше никогда не то что не ездил на лошади, но даже и близко к этим животинам не подходил. Теперь же, как оказалось, вполне ловко с ними управляюсь. Приятное открытие! Ведь именно лошади сейчас основной вид транспорта. Особенно на малые и средние дистанции. Для больших, к счастью, есть уже довольно развитая сеть железных дорог. Кстати, именно в Бэйнбридже конечная станция одной из них. Как-никак этот город является одним из центров, куда доставляется хлопок для доставки сего крайне ценного сырья в Саванну. Ну Саванна один из значимых портов побережья, где прибывающие парусники и пароходы из числа грузовых и грузопассажирских загружают тюки прессованного хлопка для отправки в страны Европы.

Хлопок… Ключевой продукт для большинства южных штатов. Важнейшее сырье для легкой промышленности европейских стран, которые задыхались от его нехватки. Получаемого той же Британией из Индии категорически не хватало фабрикам. Они требовали увеличения закупок. Поэтому цены на хлопок неуклонно росли, а плантаторы Юга получали большие деньги. Король-Хлопок – порой именно так называли эту сельскохозяйственную культуру. И поверьте, было за что.

Только где водятся большие, огромные деньги, там есть и масса желающих наложить руку на чужое добро. И именно это желание, как я знал, и стало одной из предпосылок войны меж Севером и Югом. А пока… пока я смотрел на сам хлопок. На занятых на плантации рабов… И понимал, что скоро эти места станут полями, обильно орошаемыми кровью вместо воды. Или именно эти места все же НЕ станут. Хочется на это надеяться. Надежды же… Лучше не ограничиваться лишь ими, а самому воплощать желаемое в жизнь. И если цель кажется слишком большой. Недостижимой… Разбей ее на этапы, начни с первого шага.

Каков для меня будет этот первый шаг? Освоение в новом теле и новом окружении в расчет не беру – это совершенно естественно даже в том случае, если бы я ничего не собирался делать, помимо обеспечения целостности собственной тушки. Хм, это вопрос. До начала войны меньше года, а поэтому медленное, но менее рискованное совершенно не годится. Значит, остается нечто на порядок авантюрнее. Но зато при успехе сулящее неплохие бонусы.

Эх, нет у моего донора и даже у его семейства связей в местной верхушке. Обидно? Да ничуть. Мне и так неведомые силы подогнали царский подарок в виде новой жизни и хорошего в ней старта. Так что ворчать и брюзжать было бы откровенным свинством.

По этой, хотя и не только, причине спустя неделю после моего первого тут дня состоялось довольно обычное, но важное для меня событие. По поводу успешного и полного выздоровления меня в дом семьи Станич были приглашены ближайшие соседи и просто хорошие знакомые. Таковых было не так и много, потому как плантации-то большие, а расстояние между ними, кхм, пешком так очень долго топать.

Гости… И первая возможность серьезно поговорить с теми, кого я помнил, но лично толком не знал. Ну разве что кроме Елены с Марией. Эти две разные и в то же время похожие девушки уже успели не раз со мной поговорить. С взаимным, кстати, интересом, поскольку юным красоткам показались весьма интригующими те изменения, которые произошли с их старшим братом. Ведь он – то есть я – стал куда более интересным, стал рассказывать о необычных вещах, о которых раньше ни слова не звучало. Каких именно вещах? Для начала о тех, которые могут быть интересны девушкам. О том, что возможно – а на самом деле почти наверняка – случится в относительно близком будущем. В общем, развлекал по мере сил, укрепляя связи и привязанность. Да и просто нравились мне они чем-то, эти девушки из далекого прошлого, ставшего отныне настоящим. Живые, естественные.

Только одно дело сестры и совсем другое – остальные. Их я за прожитую здесь неделю видел, конечно, но разговаривали мы с ними кратко. Я ссылался на еще не до конца прошедшие последствия удара по голове, что воспринималось как весьма уважительная причина. Но и оттягивать не стоило. Поэтому приглашение. Поэтому званый ужин. И вот уже первые гости, прибывшие задолго до назначенного часа.

Вот они, три откровенных обалдуя, разгильдяя, любителя пощекотать нервы себе и довести до седых волос беспокоящихся за них родственников. Те самые, вместе с которыми прежний хозяин тела состоял в «патруле» и кто был с ним тогда, когда тому прилетело камнем по башке. Вместе появились, верхами. Пыльные… Ну да ничего, это все мелочи жизни.

Филипп Мак-Грегор – главный заводила в компании. По причине жидких волос на голове лет в восемнадцать обрился наголо и до сих пор не изменял этой привычке. А сейчас ему стукнуло двадцать пять, он был наиболее великовозрастным из всех. И еще любитель выпить и девочек. Неважно каких. Полненькие или худышки, блондинки или брюнетки, англосаксонского или

испанского типа – ему нравились все и со всеми он стремился установить тесные и непременно горизонтальные отношения.

Помимо прочего, с такими сомнительного рода талантами, он довольно часто получал по физиономии и пару раз даже был вызван на поединок. Стрелок из него был откровенно средний, поэтому рисковал оба раза весьма серьезно. Хорошо еще, что в первый раз противник попался тоже «не фонтан», а дистанция была пятьдесят шагов, да к тому же стрелялись из однозарядных пистолетов. Оба промазали… конфликт был исчерпан. Вот во второй для Мак-Грегора все было куда печальнее. Противник без лишних церемоний вогнал пулю в ту самую руку, в которой тот держал пистолет. И не преминул заявить, что если бы условия поединка были иные, а не на один выстрел за малое время, то пуля попала бы не в руку, а в «тупую башку недоумка, пытающегося задирать юбки даже тем, от кого следует держаться подальше».

Филипп был сам виноват. Умудрился же ухлестывать за слабой на передок женушкой известного в Джорджии ганфайтера. Мало того, еще и не позаботился как следует скрыть свою причастность к увеличению и так немалых рогов стрелка. Вот и допрыгался. Думаю, что его не пристрелили окончательно лишь по двум причинам. Во-первых, ганфайтер знал, что его женушка та еще шлюха. Во-вторых, не хотел из-за ситуации, где вина больше лежала на его жене, ссориться с большим и довольно отвязанным семейством Мак-Грегоров. Шотландская кровь, понятие клана, оно продолжало жить и на этой земле. А вот прострелить руку блудливому юнцу – за это семейство мстить не станет. Соответственное проступку наказание.

Все эти сведения пронеслись в голове за пару секунд. Еще столько же понадобилось для того, чтобы понять, для чего больше всего пригоден именно этот человек. В тех самых моих далеко идущих планах.

Следующий… Вилли Степлтон, родословная которого уходила к временам войны Алой и Белой Розы. Длинная череда родовитых предков. Безупречные манеры… которыми он пользовался лишь тогда, когда сам считал это нужным. Средний рост, среднее телосложение. И ничего от англичанина в лице. Напротив, не зная историю его и его рода, Вилли принимали за испанца или, с поправкой на местность, за мексиканца. Лицом он пошел в мать, донью Амалию Бланку де ла Нуньес. Степлтон-старший, будучи по делам в Бразилии, не мог пройти мимо красивой, богатой и умной португалки. Да еще с не менее длинной и замысловатой родословной, чем у него самого. Результат их законного брака

сейчас неспешным шагом приближался ко мне, перед этим бросив поводья подбежавшему конюху.

Смешение латинской и англосаксонской ветвей расы дало своеобразный, но воистину качественный результат. Классическая невозмутимость и «рыбья кровь» британского аристократа в обычное время. Дикая ярость и свойственная лишь испанцам, португальцам и местным латиносам запредельная жестокость в экстремальных ситуациях и в моменты, когда его пытаются оскорбить или тем паче унизить. Были случаи, я их помню. Прежний хозяин тела был потрясен, хоть и старался не подать вида. Я же считал это нормальной, пусть и жесткой реакцией. Сам чем-то в этом на него похож.

Вояка! В самом хорошем смысле этого слова. Правда, в академии Вест-Пойнт не обучался, но не по причине нежелания. Просто старший сын, наследник, на которого у его отца были несколько иные планы. Были, да не совсем сложились. Не желая прямо идти на конфликт с отцом, Вильям избрал обходной путь. Изучение всей теории по заказанным книгам. Ну а практика… С ней было похуже. Пусть стрелять из карабина или винтовки он научился превосходно, ну а искусство наездника на Юге было у многих буквально в крови… В других областях приходилось довольствоваться суррогатом в виде охоты за беглыми неграми. Да еще надеяться, что в ближайшие годы, когда подрастут младшие братья, отец поймет, что те куда больше подходят на роль плантаторов, управляющихся с семейным достоянием.

И третий закадычный дружок моего донора – личность в высшей мере таинственная и своеобразная. Джон Смит. Джон и, изволите видеть, непременно Смит! То же самое, что в моем времени кто-то представится Иван Иванычем Ивановым. Бре-ед! И если бы только имя…

Джон – парень неопределенного возраста, которому можно было дать от двадцати до эдак двадцати семи – был горазд рассказывать разные интересные истории. Местами из как бы своей биографии, местами из жизненного опыта приятелей. Прежний хозяин тела не улавливал некоторых нюансов, зато я, получивший его память, кое-что подмечал. Джонни был не отсюда, это было ясно всем. Акцент выходца из северных штатов, поведение… Да и места, про которые он говорил в своих рассказах и байках, были отделены от Джорджии большим расстоянием: Мэн, Вермонт, Массачусетс. Складывалось впечатление, что он постарался оставить между привычными местами и собой любимым как можно большее расстояние.

Впрочем, это тоже немногое значило. Разрыв с семьей, неразделенная любовь или иные романтические бредни. Кстати, он даже пару раз о чем-то подобном намекал. Не говорил, о нет! Джонни был парнем умным и хитрым, не желал, чтобы в будущем выплыла какая-то серьезная ложь. Намеки же к делу не пришьешь, они нечто иное. Зато некоторые продемонстрированные Джоном, понимаешь, Смитом умения…

Скоростная стрельба из револьвера. Именно что скоростная, действенная на относительно малой дистанции, особенно против нескольких противников сразу. Обращение с ножом. Ножевой бой, метание… Да и стиль. Сам я невеликий спец по холодному оружию, но кое-что читал и кое-что видел. Не-ет, Джон был ориентирован на быстрое устранение противника. Самый лучший для него вариант, как я понял, оказаться сзади и, одной рукой зажав рот, другой ударить в спину. Пару раз, чтоб наверняка. Специфические повадки, наводящие на вполне определенные мысли.

Имя однозначно липовое, тут и гадать нечего. Наверняка накуролесил в северных штатах, давно и прочно стоя если не по ту сторону закона, то уж точно на грани. Вроде той, где комфортно расположились господа ганфайтеры, они же охотники за головами. А накуролесив, решил скрыться, здраво опасаясь знакомства либо с пулей, либо вообще с веревкой.

Как же этот человек без четкого прошлого умудрился устроиться в среде плантаторов Юга, которые обычно серьезно присматриваются ко всем новоприбывшим? Случай помог. Тот самый, который порой играет столь важную роль в судьбах человеческих. А началось все с того, что одна юная леди из семейства Мак-Грегоров решила проехаться на своей лошадке по окрестностям. Мало того что без сопровождения, так еще и сильно задержалась. А когда смеркается, то можно разглядеть смотрящих из тени чудовищ…

Впрочем, чудовищ тут не водится. Зато имеются люди… или не совсем. Уж не знаю, можно ли отнести к таковым тех, которые попытались воспользоваться доступностью юной и по сути беззащитной девушки в самых малопотребных целях. Вестимо, рабы беглые, кто ж еще-то! Эх, ничего со временем не меняется! Как в двадцать первом веке широкие негроидные массы больше всего любили ночью поймать и изнасиловать белую девушку, так и полтора века назад та же картина имела место быть. Только здесь у них возможностей для этого куда меньше, да и ни о какой толерантности с политкорректностью слыхать не

слыхивали. А проповедующего даже жалкое их подобие тут, на Юге в лучшем случае высмеяли бы.

Что до юной Мак-Грегор, то она избежала печальной участи по причине того, что Джон, будучи в малость подвыпившем состоянии, тащился куда глаза глядят, поздневечерний моцион совершая. Ну и увидев приблизившихся к девушке с недобрыми намерениями негров, без малейших раздумий открыл огонь из револьвера. Двух наглухо, еще двоих ранил, а последний убежал так быстро, что… Да и не собирался Джонни его догонять. Ведь ловить негра в потемках…

Вот с того самого случая выходец с северных штатов, личность весьма мутная, и получил хороший задел для освоения тут. Хотя… какое там освоение! Поселившись изначально на временной основе в одном из домов семьи Мак-Грегор, Джон Смит так и продолжал там находиться вот уже три с лишним года.

Работа? От любых предложений заняться делом он увиливал, как помесь угря с вьюном. Единственное исключение – участие в «патруле», тут он сам инициативу проявил, даже намекать не пришлось. Остальное же – увольте.

Вместе с тем сидящим на шее Мак-Грегоров нахлебником его нельзя было назвать. Деньги… имелись, причем не сказать что малые. Он вполне мог бы и за проживание платить, но этого уже сами Мак-Грегоры не могли позволить. Человек, спасший одну из них, был желанным гостем от того момента и вплоть до бесконечности. Юг в этом плане был куда ближе к старой аристократии, чем суетливые, озабоченные лишь наживой северяне, все сильнее забывающие о том, что помимо выгоды есть еще и честь.

Вот такие вот три друга имелись у моего донора. Именно друга, а не приятеля. Надежные уже хотя бы потому, что спину они друг другу прикрывали, а это верный показатель. А раз так, то и мне грешно от подобной роскоши отказываться. Тем паче в тех задумках насчет ближайшего будущего, которые уже начали оформляться в голове. Помощь надежных людей сильно пригодится. Да что там, будет и вовсе незаменимой!

Глава 2

США, штат Джорджия, близ Бэйнбриджа, май 1860 года

– Фил… Вилли. Джон! Рад, очень рад каждого из вас видеть.

Первым добравшийся до меня Мак-Грегор мало того что изрядно похрустел костями моей руки при рукопожатии. Так еще и ребра помял, полезши обниматься. Медведь, блин, шотландский! Зато Вильям был, как и всегда, в обычном своем состоянии, сдержан и корректен, потому ограничился нормальным рукопожатием и словами:

– Надеюсь, такого больше не случится. У меня не так много друзей, чтобы лишаться одного из них из-за жалкого беглого раба с камнем.

– Ну, он за это уже расплатился. Сполна.

Легкая улыбка и едва заметный промельк в глазах Степлтона позволили теперь уже воочию, а не по чужой памяти, убедиться в той хищной сути, что скрыта за респектабельным фасадом. Видел я таких у себя, в родном времени. Опасные враги, но если на твоей стороне, то можешь считать, что фортуна улыбнулась по полной.

– Да ты совсем-совсем здоровый, Вик, – неслабо так хлопнул меня по плечу Джонни. – Плохо верится, что недавно от трупа мало чем отличался.

– Сам с трудом верю. Проходите в дом, вы первые из приехавших. Да оно и неплохо. Сначала чуть поговорим, да и после у меня важный разговор будет. Очень важный.

– Важный? – сверкнул глазами Джонни, и в его лице что-то неуловимо изменилось. – А ведь верю. Сейчас – почему-то верю, – и тут же привычная маска простого, без особых затей, человека. А секунду назад проявилось нечто хищное. Но не того разряда, что у Степлтона. Куда как поковарнее. Значит, верно я про тебя подумал, «Джон Смит». – Сестры твои, красавицы, мужское общество украсят?

– Несомненно. Большую часть времени, – усмехнулся я, вспоминая некоторые нюансы. – Только ты, Филипп, с лицом своим поосторожнее.

– Вик?

– Да-да, с лицом. А то оно у тебя, когда красивую девушку видишь, становится как кошачья морда, когда тот миску сметаны в пределах досягаемости узрит.

Смеялись все, включая самого Мак-Грегора. Благо его удачные и не очень похождения по завоеванию сердец и не только прекрасной половины человечества давно стали притчей во языцех на местном уровне. Но стоило заметить, что к родственницам друзей от подступаться даже и не помышлял. Смотрел с привычным азартом в глазах – это да. Это уж чистой воды инстинкт бывалого донжуана. Зато переступать определенную черту – ни-ни.

– Всегда Филипп, – с нарочитой обидой вздохнул бритоголовый. – Я-то нормально смотрю, вижу, поступаю так, как и должен нормальный мужчина в расцвете сил. А вот наш Джонни никак своего счастья видеть не хочет! Смотрит куда угодно, только не в нужную сторону.

Теперь пришла очередь посмеяться над Джоном. Тоже беззлобно. Тем более что тема была давней, также всем своим известная. Принцесса, влюбившаяся в рыцаря, победившего похитившего ее дракона. Правда, вместо дракона были лишь несколько беглых рабов, но все равно романтика присутствовала, куда ж без нее! Так что Сильвия Мак-Грегор, двоюродная сестра – а поместному кузина – Филиппа, давно уже вздыхала по своему спасителю. Ну а тот… Относился к ней весьма даже неплохо, но явных попыток претендовать на ее руку – сердце и так уже того, было – не делал. Не в последнюю очередь по причине того, каким отец Сильвии, Коннор Мак-Грегор, видел жениха своей дочери.

Джон был хорош в качестве гостя, друга семьи, человека, в случае необходимости способного легко и без раздумий пристрелить врага. Но вот в качестве мужа своей дочери он хотел видеть кого-то посерьезнее и с видимыми перспективами. Однако Сильвия, в которой тоже текла кровь Мак-Грегоров со всем растворенным там упрямством, уперлась рогом. И единственное, чего добился отец – обещания подождать года три-четыре. Искренне надеялся, что за это время влечение Сильвии поутихнет. Однако не тут-то было! И никакие подбираемые кандидаты в женихи не помогали.

Потому скрепя сердце Коннор Мак-Грегор хоть и оттягивал неизбежное, но потихоньку смирялся с ним. Отсюда и все усиливающиеся попытки занять

Джонни чем-то более серьезным, нежели «патруль» и ничегонеделание с друзьями. Равно как и осторожные попытки выяснить, а какими средствами располагает его будущий зять.

Только вот узнать о капитале и его происхождении у Джона было чуть ли не сложнее, чем выдать замуж сорокалетнюю девственницу. Равно как и узнать что-то о его семье, не получив в ответ ворох туманных присказок и смутных фраз.

Люблю загадки! И если представится случай, непременно попытаюсь докопаться до истины. А случай, как мне кажется, в относительно скором времени представится. Особенно если разговор пойдет в нужном направлении и удастся развести кое-кого на частицу откровенности.

Меж тем, перебрасываясь фразами обо всем и ни о чем, мы как-то незаметно подошли к дому, а там и внутри оказались. Затем в гостиную, путь в которую был хорошо знаком всем трем прибывшим гостям. Сколько раз они тут бывали, даже не сосчитать. Так что удобные кресла – или, в случае Джона, стену, которую удобнее спиной подпирать – нашли без труда. Предложение освежиться прохладными напитками, да и сигару выкурить, пока остальные гости еще не появились, было принято с заметным энтузиазмом. Правда, Фил заказал не прохладительное, а совсем даже наоборот, горячительное. Иными словами, дозу виски. Ну да дело хозяйское. Но еще до того как служанка – Хуанита, женщина латиноамериканских кровей средних лет – принесла заказанные гостями напитки, появились и мои, хм, сестрички. Обе, что характерно. И сразу попали под шквал естественных для Филиппа комплиментов, которые он раздавал уже чисто рефлекторно, как само собой разумеющееся. Но не стандартные, а относящиеся к той или иной женщине. Подчеркивая достоинства той и умело обходя недостатки, если таковые имелись. Бабник, что тут еще сказать. Но со стилем!

Пока Филипп развлекался привычным для себя образом, Джон, глядя на это, ехидно ухмылялся, а сестры благосклонно внимали потоку славословий… Вильям, которого это не интересовало, спросил:

– Давно меня занимало, почему у тебя в доме прислуга не из просто рабов или даже освобожденных, как некоторые делают? Должна быть причина. Не требую ответа, по дружески спрашиваю. Это ведь не тайна?

– Да какая тут тайна, – слегка улыбнулся я, раскуривая тонкую сигарку, больше всего напоминающую по габаритам привычные сигареты. – Даже немного удивлен, что ты раньше не спросил. Я, как и мои предки, не доверяю рабам. В любой момент от них можно ждать чего угодно. Иная кровь, совершенно другие мысли в голове. Они предсказуемы по сути и даже, при некоторых усилиях, по времени возникновения… Но стоит ли держать в доме койота, который укусит тебя за… пятку, как только ты будешь в не самом лучшем состоянии?

– Такого почти не случалось.

– Ключевое слово тут именно «почти», – раскурив, наконец, сигару, я выпустил в потолок струю ароматного дыма. – Поэтому не хочу ощущать себя неуютно в собственном доме.

– Почему мексиканцы и полуиндейцы?

– Деньги. Они не так много запрашивают. Кстати, напитки прибыли. Благодарю, Хуанита.

Небольшая пауза в нашей беседе, но потом она возобновилась. И я заметил, что другие тоже к ней помаленьку прислушиваются, хотя и не полностью на ней сконцентрировались.

– Глубокомысленно, Вик. Раньше ты так не рассуждал. Я удивлен!

– Все мы взрослеем, Вильям. Кто-то постепенно, кто-то рывком. Ну а я, наверное, по-особенному… Думаю, что мне очень хотелось продлить беззаботное время, поэтому я и позволял себе думать, мыслить, рассуждать, но до поры не оставлять и прежнюю легкость.

– Разве что-то изменилось?

– Кроме камня по голове и понимания того, что все это – неопределенный взмах рукой, – может мигом взять и исчезнуть? Пожалуй, что да. То самое умение рассуждать и желать выводы из происходящего вокруг нас. Вокруг – это не близ Бэйнбриджа и даже не в Джорджии, а в целом по стране.

– Вот как. Мой отец также обеспокоен и поделился со мной некоторыми мыслями. Это не тайна, и я могу… Небольшая, но многозначительная пауза. Понимаю.

А вот донор бы не уловил этого, не тот склад мышления.

– Не стоит… утруждаться два раза подряд. Я все равно собираюсь поднять за столом эту тему. А при большем количестве людей и прозвучит убедительнее, да и куда как удобнее. Со стороны порой подмечаются интересные аспекты. Сам знаешь, мои соседи более почтенного возраста. Различие поколений, которого у нас, тут собравшихся, в принципе быть не может.

– А кто еще приглашен?

– Уэйн и Бакхорст, конечно. Оба, как всегда, прибудут с супругами. А вот Холландер не появится. Отправился по делам в Олбани и не вернется еще с пару недель. А его жена леди старых правил, без мужа редко по гостям ходит.

Степлтон в ответ на то лишь улыбнулся. Понимал суть. Этикет – штука серьезная, хотя может довольно широко варьироваться. Сам он пользовался то одной его вариацией, то другой. Аккурат по своей выгоде. А уж в хороших манерах был подкован с двух сторон, со всеми отличиями латинских и английских правил.

Дальше разговор свернул на обсуждение последних новостей и сплетен. Тут можно было и посмеяться, и посочувствовать некоторым из соседей. Светский треп – я назвал бы происходящее именно так. И мне это очень даже нравилось. Особенно в сравнении с тем, что было привычно тогда, в прежней жизни. Атмосфера была совсем другая, не преисполненная ядовитого цинизма, пошлостью и всего в этом роде. Слово «честь» было отнюдь не пустым звуком, а за любую подлость тут с легкостью вызывали на дуэль, не доводя дело до суда. До суда тут вообще нечасто доходило.

В общем, сидели дружно, общались хорошо. А там и оставшиеся гости подоспели: Грегор и Лавиния Уэйны, а также Роберт и Марта Бакхорсты. Прибыли с интервалом минут в пять, как раз, чтобы поприветствовать и проводить в дом первых и успеть встретить вторых.

Обе супружеские четы были дружны с родителями донора, а к его детям относились почти что по-родственному. Часто появлялись, готовы были в случае чего помочь словом, советом и делом. В этом не было ничего удивительного. Юг, однако. Все знали всех в определенном секторе, плантаторов связывала не только и не столько кровь, сколько дух этих земель. Ну и понимание того, что только держась друг за друга, они представляют силу. А если связи нарушить – по отдельности им не устоять. Против кого? Да хотя бы против тех господ с севера, от которых на юге да-авно уже не ожидали ничего хорошего. Никакого единства между южными и северными штатами не было где-то с начала века. А к середине легкое недоверие переросло в открытое противостояние и глубокую неприязнь.

И дело было не только и не столько в самой рабовладельческой системе Юга. Это так, верхний слой, удобный и эффектнее всего выставляемый напоказ. На самом же деле бал правила ее величество Выгода! Экспорт хлопка, а в меньшей степени и иных выращиваемых в южных штатах культур, приносил очень большие деньги. Но вот промышленные товары и предметы роскоши южанам было гораздо выгоднее завозить из той же Европы, нежели покупать на Севере. И это с учетом того, что стоимость заокеанских товаров нехило так вырастала за счет транспортных расходов.

О чем это говорило? О феноменальной жадности финансовых воротил Севера, которые, имея возможность снизить цену, нипочем не желали этого делать. Ага, та самая погоня за сверхприбылями, от которой эти господа не отказались вплоть до следующего тысячелетия! Уж я в этом на своей шкуре убедился, имел такое сомнительное удовольствие.

Зато были истеричные вопли на самом верху. Равно как и попытки вместо снижения цен на свои товары ввести огромные пошлины на иностранные. Мало им было и так больших налогов, которые уплачивали плантаторы.

К слову, это лишь одна из причин конфликта, пусть и из числа наиболее весомых. Имелись и другие, куда более заковыристые. Впрочем… Сейчас всех нас ждал хорошо приготовленный и роскошный ужин. Следовало сначала отдать должное ему, а уж потом переходить к более серьезным и не столь приятным делам.

* * *

Ранний ужин шел хорошо. Достойное общество, легкие застольные беседы, чередуемые подачей новых блюд. Правда в кухне отчетливо прослеживались испанские мотивы, ну да учитывая личность повара, оно и неудивительно. К тому же гости удивлены не были. И правда, чему тут удивляться, если оно длится много лет подряд?

Обсуждали дела на моей и окрестных плантациях, планы насчет реализации хлопка, проблемы с воспитанием детей и внуков – это уже Уэйны и Бакхорсты подняли тему, которая молодым поколением поддерживалась лишь из вежливости. Нас-то воспитывать точно не стоило, сами воспитались.

А затем, уже когда были поданы десерты и кофе, проскользнула тема, которую я не мог упустить. Причем поднял ее Роберт Бакхорст – седоволосый и кряжистый бородач, недавно разменявший шестой десяток. Суть темы – грядущие президентские выборы, насчет которых Юг пребывал в глубоком пессимизме.

– Этот пройдоха Линкольн! – размахивая дымящейся трубкой, рычал Бакхорст. – Я слышал, что республиканцы хотят выдвинуть его. Он, видите ли, «отвечает их идеалам и является компромиссной фигурой в вопросе о рабстве». Компромиссной! Пусть Господь покарает его одной из своих молний!

– Тише, дорогой… И ты знаешь, у нас на юге за этого, прости меня Боже, проходимца никто не отдаст свой голос.

– Я еще сдерживаюсь, Марта, – чуток сбавил громкость Бакхорст. – Но если ты думаешь, что я преувеличиваю, давай спросим у Виктора. Он хозяин дома, а значит, должен высказаться.

Ай спасибо тебе, Роберт. Не пришлось аккуратно выводить нить разговора в нужную сторону. Надо всего лишь подхватить эстафету, а заодно использовать свои способности аналитика. Зачем? Да чтобы на примере этой типичной для южных штатов компании лично понять уровень их несовместимости и готовности противостоять Северу.

– Выборы-выборы. – А в голове всплывает известное продолжение, озвученное певцом-матерщинником Шнуром. – Их однозначно выиграет кандидат от Севера, причем совершенно неважно, флагом какой партии будут махать за его спиной.

Все дело в количестве населения в южных и северных штатах. Я тут не так давно имел возможность ознакомиться с примерной оценкой численности населения. Результаты…

– Какие? – не выдержал Филипп. – Вик, не медли!

– В северной части, то есть территории этих янки, проживает около двадцати миллионов. У нас несколько менее десяти. Причем их них половина – это негры, которым, как вы понимаете, здесь никто права голоса давать и не собирается. Делайте выводы, леди и джентльмены, делайте выводы. Следующим президентом будет Линкольн, если только янки не захотят сменить вывеску, выдвинув вместо него очередную «говорящую голову».

– Прости, Виктор, какую голову?

– Говорящую, – улыбнулся я, отвечая на вопрос задавшему его Грегору Уэйну. Этот джентльмен был не слишком силен в образном мышлении, да и метафоры не очень воспринимал. Предпочитал конкретику. – Сам по себе Линкольн или любой другой на его месте значит не так чтобы очень уж много. Он лишь выражает интересы тех, кто стоит за его спиной. В нашем конкретном случае это банкиры и крупные промышленники. Хотя первые более значимы в силу некоторых причин, которые я не хочу сейчас излагать. Долго будет и малоинтересно для всех нас. Да и речь не совсем о них идет. Но очевидно, что победа Линкольна не принесет Югу ничего хорошего. Поэтому…

– Отделение, – сказал, как припечатал Вильям, после чего тяжелым взглядом обвел всех присутствующих. – Не мои слова, отца. И других, кто высоко сидит. Другого пути нет.

Слово прозвучало. Я же, ожидавший подобного момента, смотрел на лица и отражающиеся на них эмоции. И увиденное меня откровенно радовало. Никакого отторжения, лишь понимание, что при таком варианте иного выхода для Юга действительно нет.

Там, наверху, то есть в среде губернаторов и конгрессменов, еще могли питать какие-то иллюзии. Да тому пример и нынешний президент-южанин, Джеймс Бьюкенен, невероятным стечением обстоятельств сумевший победить на прошлых выборах. Вот он продолжал верить, что можно как-то договориться,

найти общий язык… Ага, с банкирами и их ставленниками, которые спали и видели устранение угрозы для них, которую они ощущали в том пути, по которому двигался Юг. Юг с его опорой не на многочисленные эмигрантские потоки, а меньшее число, но куда более качественное, более развитое в разных сферах бытия.

Нет уж, с такими договариваться себе дороже. Запутают, закормят ложными обещаниями, после чего ослабят и потом схарчат жертву, ставшую менее опасной. Знакомое дело. Просто сейчас они в самом начале пути. Апогея же это их умение достигнет через век с небольшим. Печальный факт, однако!

Потому мне и хочется приложить все усилия, чтобы этот монструозный конструкт, каким стали знакомые мне с детства США, не смог состояться. А для этого… Есть задумки, еще как имеются.

Тем временем разговор снова свернул на куда более мирные и приятные для большинства собравшихся темы. Ну да это и неплохо. Чрезмерно заострять внимание на грядущем сейчас не стоило. Для всех не стоило. А вот для дружной троицы – непременно и обязательно. Только не сейчас, а после того, как старшее поколение, утомившись, отправится либо по домам, либо почивать в гостевые комнаты. Впрочем, скорее всего по домам. Недалеко, да и места вполне спокойные.

Собственно, так оно и произошло. Сначала, сославшись на дела, которые ну никак нельзя надолго бросать, откланялся Уэйн с супругой. Ну а еще минут через двадцать засобирались и Бакхорсты. Все же сказалось не слишком большое количество тем, которые можно продолжать. Разница поколений, что тут скажешь. Вот и остались той самой узкой, но дружной компанией. Оставалось только под благовидным предлогом сестричек спровадить.

Легче сказать, нежели сделать. Что Елена, что Мария – те еще энергичные и любопытные создания. Зато… О, точно! Это и впрямь неплохой вариант.

Улучив момент, я шепнул Вильяму:

– Если не затруднит, то вместе с Филом выведи моих сестричек вечернюю прогулку совершить. Ненадолго, даже минут двадцати хватит. Фил, он такой, умеет девушкам голову морочить. Они его общество любят.

– Даже Мари?

– Он ее забавляет, – криво усмехнулся я, зная отношение сестры к лысому бабнику. – Любит смотреть за тем, как другие тают от расточаемых комплиментов.

– Хорошо. Сделаем. Тебе ведь нужно поговорить с Джоном?

– Именно. Хотя потом почти обо всем и с вами. Просто он может кое-что подсказать насчет… выгодных финансовых вложений. Сам знаешь, что о капитале стоит бережно заботиться.

– Я знаю. А вот Джонни, – Вильям пару раз щелкнул пальцами, словно подбирая подходящее выражение. – Пойми, Вик, он и мой друг, но Джонни и финансы… Удивлен, что у него хоть какие-то деньги есть. И не похоже, что наследство. Может, на золотых приисках повезло? Его могло по всему континенту поносить.

– И я о том же. Наш друг таит в себе много интересного.

Степлтон понимающе кивнул.

– Да, тогда лучше один на один. Помогает при доверительных разговорах. Если захочешь, то потом расскажешь. Потом, оно может быть и далеко по реке времени.

Понятливый. И это хорошо. Хоть такие люди и сложные по натуре. Зато их потенциал куда как выше среднестатистического человека. Закон природы, хоть и не признанный официально даже в моем времени.

Мак-Грегора упрашивать устроить небольшую прогулку в женском обществе никогда не приходилось. Так что уже через четверть часа я остался тет-а-тет с Джоном, по моему мнению, ни разу не Смитом.

* * *

Чутье! Оно у некоторых людей работает быстрее разума. Вот и Джонни в это число явно входил. Не зря с легкой улыбкой смотрел за тем, как два наших друга с дамами собрались прогуляться, в то время как мы остались в доме. И вопрос его был вполне логичен:

– И зачем я тебе понадобился, Вик?

– Друзья нужны всегда. Это так, к слову, чтобы ты не пойми чего не помыслил. А ты был и остаешься моим другом, – с ходу уточнил я, чтобы не накалять обстановку. – В остальном же… Мне бы очень пригодилась твоя помощь, Джонни. Только сможешь ты ее мне оказать или нет, зависит от одного очень интересного нюанса…

– Это какого?

– Тот ли ты, кем тебя многие считают, или же под маской обычного славного парня, мастера рассказывать занятные истории и просто обаятельного человека таится некто более сложный и интересный.

Спектр эмоций на лице. Сложно читаемых даже мной, порождением грядущих времен, а про местных и вовсе говорить не стоит. Легкое изумление, возникшая, но мигом отброшенная подозрительность… Затем тень любопытства и хитрая расчетливость. А венцом всему непреклонная уверенность в собственных силах, явно сопровождающая этого человека всю его недолгую, но однозначно яркую жизнь.

– Как догадался?

– Стрелок, ориентированный на скорость, но с меткостью у тебя не слишком. Владение ножом, так обычно индейцы армейские патрули вырезали. Ночью, со спины, чтобы и писку не было. Все твои рассказы родом из северных штатов. Рядом расположенных и отсюда очень удаленных. Да и маленькие расхождения в рассказах. Иногда ты говорил, что кое-что произошло с тобой, потом, через несколько месяцев, эта деталь всплывала в рассказе об одном из твоих приятелей… Заметить сложно, но все же можно.

– От тебя я такого не ожидал, – честно признался Джонни, пристально буравя меня испытующим взглядом. – Верю, что ты не хочешь и не станешь делиться

этим с другими. Тогда снова спрошу… Зачем?

– И снова отвечу, что мне бы очень пригодилась твоя помощь, но лишь в том случае… А для прояснения теперь уже у меня один не очень приличный вопрос. Сколько у тебя осталось денег? И если ответ будет «мало», «не очень много» или «хотелось бы больше», то я, как ни прискорбно это говорить, буду рад.

– Не слышу в твоем голосе злорадства, да и не свойственно оно тебе, Вик. Выходит, что хочешь предложить мне заработать. Меня это… интересует. Денег и правда осталось немного. Хватит еще года на два-три, если продолжать ту же жизнь, которую я сейчас веду.

Такой ответ меня очень даже устраивал. Всем было очевидно, что работать Джонни не любил, а жить привык хорошо. А раз деньги скоро закончатся, то… И женитьба на Сильвии Мак-Грегор не стала бы панацеей. Ее отец непременно стоял бы над душой зятя, требуя заняться делом. Единственное, что могло его выручить – подтвержденное наличие такой суммы, которая априори освобождала бы его от необходимости работы. И именно это я и собирался ему предложить. Однако повторюсь, лишь в том случае, если он верно для меня ответит еще кое на что.

– Скажи, Джонни, ты был просто ганфайтером или твои интересы заходили еще дальше?

– Всякое случалось. Да, Вик, я налью себе еще кофе? У тебя в доме его варят бесподобно.

– Конечно, угощайся…

Паузу взял. Кофе тут лишь подходящий предлог. Понимаю, уж слишком резко и неожиданно все на него свалилось. Частичное раскрытие созданного образа, смутное предложение от меня, которое толком не прозвучало, зато уже появился намек на большие деньги. Ничего, если он и впрямь из тех самых, то должен согласиться. Но лишь после того, как я объясню суть.

Джонни, со свеженалитым кофе вновь занявший кресло напротив моего, выжидал. Прихлебывал маленькими глотками напиток, скользил взглядом по многократно виденной обстановке комнаты… То есть делал то, что и стоило в

такой ситуации – передавал ход тому, у кого на руках карты. Мне.

– Скоро президентские выборы, на которых победит кандидат Севера. Юг этого не потерпит и разорвет все связи с этим президентом и его правительством. То самое отделение, о котором сегодня говорили. Понимаешь?

– Вилли впустую болтать не станет, – согласился Джон. – Только кто ж нас, таких богатых от продажи хлопка, отпустит?

– Верно, никто. А значит, начнется что?

– Проблемы…

– Эх как ты мягко выразился, – не удержался я от улыбки. – Война будет. Разумеется, после того, как нас попытаются заманить обратно, сначала пустыми обещаниями, а затем вполне реальными угрозами. Только вот к войне мы, скажем так, не очень готовы. Совсем не готовы. И не улыбайся, имелась у меня возможность узнать. Дело даже не в гораздо меньшем числе потенциальных солдат. Юг – аграрный край. Промышленность изначально развивалась там, где сельское хозяйство менее выгодно. Это естественно для любой страны, но… Когда из одной страны образуется две, подобный нюанс очень больно ударяет по той, которая образовалась на землях с малой концентрацией промышленности.

– Я не такой образованный, Вик. Попроще.

Ладно, будет тебе попроще. Благо это дело нехитрое.

– Солдат нечем будет вооружать. Да, у каждого южанина в доме есть оружие. Но револьвер или старый одно-, двухствольный пистолет – для войны оружие неподходящее. А ружья, карабины и винтовки в большинстве своем устаревшие. Хороши для охоты и поддержания порядка, но не в условиях войны. Там нужно сочетание дальности и скорострельности. Сейчас понятно?

– Сейчас – да.

– Вот и хорошо. А еще для стрельбы нужны патроны. Много патронов! Кстати, где у нас патронные заводы? Правильно. Нету их. Ну или почти нет, что не сильно отличается. Остальные сектора, также необходимые для нормального ведения войны, я пока даже не затрагиваю, хотя и могу.

Джонни слушал внимательно. Видно было, что сказанное отторжения у него не вызывает. Да и не было это по большому то счету ни для кого секретом. Просто над этим не задумывались и все тут. Своего рода инерционность мышления, только и всего. И именно по этой причине армии Юга будут после начала войны в большой заднице, а с ее продолжением будут скатываться туда все глубже и глубже. Мужество, большая в сравнении с северянами выучка, лучшие командиры… Все это лишь оттягивало окончательный крах, но никак его не предотвращало. Правда этого, по вполне понятным причинам, я говорить не собираюсь. Не идиот, чай!

– Ты изменился, Вик! – в словах было не столько удивление, сколько констатация факта. – Сильно.

– Скорее уж проявилась другая часть меня. У некоторых из нас не по одному лицу, тебе ли этого не знать.

– У меня были весомые причины. У тебя же… Но ты прав, оба мы не совсем те, кем кажемся другим. Глоток виски по такому случаю?

– Тебя не отговариваю, а сам воздержусь. После того камня у меня от крепких напитков голова кружится и нехорошо становится. Так что разве очередной чашечкой кофе компанию воздержу.

Соврал, конечно. Просто, в отличие от прежнего хозяина тела, пью куда как меньше. А залегендировать этот аспект требуется, чтобы недоуменных вопросов каждый раз не возникало. Так что действительно обойдусь новой чашкой кофе, тем паче что кофейник еще где-то на треть полон и даже служанку вызывать не надо ради новой свежесваренной порции.

Проглотив порцию виски, надо заметить, что весьма скромную, Джонни, проигнорировав закуску, вернулся к поднятой теме:

– Я тебя понял. Южные штаты готовы к отделению, но не готовы к войне, которая за ним последует. При чем здесь я и твое предложение?

– В последнее время я много думал над тем, что можно сделать, чтобы не избежать проблем, но хотя бы смягчить их. И представь, для этого нужны деньги. Большие, даже огромные. Зачем? Новые винтовки лучше не просто купить, а заодно и приобрести все нужное для оружейного завода. То же самое насчет патронного производства. Запасы сырья, о них тоже не следует забывать. Лично у меня и близко нет такой суммы. А просить у каждого из состоятельных людей понемногу… Сейчас это бесполезно. Люди просто не видят надвигающейся тени большой войны.

– И ты хочешь…

– Взять у тех, кто никогда не был другом Юга. Более того, у тех, кто при первой возможности вцепится нам в горло. Тех, кто проталкивает на пост президента абсолютно чуждого нам Авраама Линкольна – проводника неприемлемых для нас идей вроде закона о гомстедах, освобождения негров с последующим наделением их равными с нами правами и тому подобных идей. У банкиров…

Джонни задумчиво вертел в руке опустевший стакан, в котором раньше плескалось виски. По сути, я уже все сказал, только что прямо не проговорил цель. Ну а метод и так очевиден.

– Фил и Вильям не поймут…

– А кто им скажет то? Уж точно не я. Все знают, что мой дед привез из России состояние в золоте и драгоценностях. Но никому не ведомо, какую именно часть он потратил, а какую оставил потомкам на «черный день». Сам знаешь, о подобном спрашивать не принято.

– Не принято…

Задумался. Сразу не отверг подкинутую мысль. Более того, напомнил о том, что двое других наших друзей по-любому должны оставаться в неведении насчет… Быть может, насчет того замысла, который он склонен принять, если его правильно убедить? А ведь похоже на то. Тогда надо найти еще парочку весомых аргументов. Что у нас там идет впереди всего? Безопасность. Точнее

сказать, высокие шансы на успех рискованного предприятия. Ну а тут мне есть чем приободрить нашего таинственного Джонни. Как ни крути, а патриархальная эпоха еще не привыкла к тому, что войдет в моду значительно позже.

– Большая часть мной продумана. Давай вот как поступим. Сейчас я кратко пройдусь по основным вехам своего замысла. А ты, как человек опытный… Ведь опытный?

– Сам не участвовал. Я немного ганфайтер, немного… Любил пустынные дороги. Зато наслышан… немного. Знакомства были.

Приоткрылся… романтик с большой дороги! Но эта область для него и впрямь иная, непривычная. Ничего, в той среде слухи разлетаются быстро, что-то наверняка в одно ухо влетело, да в голове и осталось.

– Пока и этого достаточно. Тогда я говорю, а ты слушаешь. Если что-то непонятно – уточняй. Покажется бредовым – отметь. Выясним, бред ли это или просто непривычное тебе нечто. Договорились? Хорошо, тогда начнем. Времени немного, так что…

* * *

Хорошо поговорили. Нет, в самом деле хорошо! Тут ведь при «акциях» криминального толку даже о простейших методах отвлечения внимания слыхом не слыхивали, не говоря уже о чем-то более изощренном. Стволы в руки и вперед! Дуболомы, по-иному и не выразиться. Чего уж тут говорить насчет последних достижений прогресса? А я об этом и говорил, помимо всего прочего.

Однако время не резиновое, вот-вот должны были вернуться наши друзья с двумя моими сестричками. И следовало подвести пусть пунктирную, но все же черту.

– Знаю, что многое еще надо уточнить, согласовать, найти нужные материалы и помощников… Но если в целом, Джонни, ты заинтересован?

– Что я скажу… Убедил ты меня, Вик. Риск есть, но к нему я привык. А получить мы можем столько, что на десять жизней хватит.

– Мне оно для другого нужно, на жизнь и так хватает.

– А мне уже нет, – мечтательно улыбнулся Джонни, явно видя в мечтах груды золота и пухлые пачки банкнот.

– Мечтать пока рановато, – осадил я его. – Теперь насчет того, что говорим Вилли с Филом. Поездку скрыть не удастся, да оно и не требуется. Надо лишь самую малость сместить акценты. Да и их задействовать в «дневной» стороне моего замысла будет хорошо. Кстати, слышишь шум?

– Слышу. Вернулись.

– Говорю я, а ты делаешь вид, будто в том числе и это с тобой обсуждали. Хорошо?

– Постараюсь. И все равно, Вик, удивляешь.

Неопределенный жест в ответ. Пока слова тут не требуются. Ну а за делами видно будет, к чему это самое умение удивлять приведет в итоге.

– Ну и как, хорошо прогулялись? – спрашиваю, конечно, не у этих двух охламонов, а у сестер. – Елен?

– Закат был такой красивый… Багровый, я редко такой видела.

Мария же лишь загадочно улыбалась, глядя не на меня, но на Вильяма с Филом. Ну а двое последних явно желали узнать причину, по которой их временно попросили удалиться. Что ж, сейчас они ее услышат… в отредактированном и причесанном виде. А сестры… Конечно, можно их попросить удалиться, но в семье Станич не было принято держать в тайне от родных то, что рассказываешь друзьям. Действительно важное, а не те тайны личного характера, которые есть у каждого человека. Да и я был с подобным подходом целиком и полностью согласен. Следовательно… приступим ко «второму акту Мерлезонского балета».

Не мудрствуя лукаво, я почти дословно повторил все то, что говорил Джонни. Насчет прогнозов по поводу надвигающейся войны, а также того, что с этим однозначно надо что-то делать. Про нехватку на Юге почти всего, что требуется для ведения войны, и про свое искреннее желание исправить хоть небольшую часть этого. Только вместо поведанных Джонни планов, лежащих по ту сторону закона, сейчас я говорил о совершенно прозрачных и законопослушных действиях.

– Вот это, – на стол, рядом с фарфоровой посудой и серебряными столовыми приборами лег громоздкий десятизарядный пистолет «вулканик», – будущее стрелкового оружия. Многозарядное, с высокой скоростью стрельбы, с довольно быстрой перезарядкой. Все вы видели его в действии и вряд ли будете оспаривать очевидное.

– Не будем, – уверенно подтвердил Степлтон, сейчас бывший абсолютно серьезным и невозмутимым. – Я сам заказал себе такой, а вот отец ворчит на новомодность. Но я отвлекся…

– Ничего, это тоже важно. Так вот о чем я… Фил, Вильям, вот подумайте, какие карабины или винтовки сейчас в ходу? Можно не отвечать, я и сам скажу. Однозарядный дульнозарядный хлам вроде систем Энфилда и Спрингфилда. Три выстрела в минуту. Может быть, четыре… Печально. Конечно есть еще и карабин Шарпса, заряжаемый с казны, но он однозарядный. Скорость стрельбы повышается, да и дальность у него куда пристойнее, но все не то… К тому же его широко использовать пока так и не стали. Почему? Это уж меня не слишком интересует. Зато из вот этой же лежащей на столе прелести я без каких-либо затруднений выпущу все десять пуль за половину минуты.

– Но это же пистолет… – пискнул было Филипп. – Вот из револьвера тоже шесть выстрелов, ну так и что с того? Револьвер и вот этот твой «вулканик» и ружья, они разные.

Это называется за деревьями леса не видеть. Ведь достаточно посмотреть на лежащий перед ними «вулканик», чтобы увидеть его сходство с винтовкой, да с тем же карабином Шарпса. Тот же «рычаг», только в «вулканике» с его помощью идет «досыл» нового патрона, а у «шарпса» лишь выброс стреляной гильзы. А в остальном по сути своей то же самое, только уменьшенное и короткоствольное. Ан нет, не видят-с. Придется говорить прямым текстом.

– Пару месяцев назад оружейник Кристофер Спенсер запатентовал многозарядную винтовку, которая перезаряжается почти так же, как этот «вулканик». Мало того, там есть возможность пополнять боезапас не по одному патрону, а сразу по семь. Не спрашивайте как, это долго и сложно объяснять. Да и не оружейник я.

– Шутишь! – Опять Фил.

– Хочется увидеть самому… – а это уже более расчетливый Вилли Степлтон заранее примеривается к оружейной новинке, о которой еще не слышал. – Если это правда, то в тактике пехоты многое изменится.

– Чтение учебников из Вест-Пойнта для тебя даром не прошло, – подмигиваю любителю военного искусства, после чего продолжаю: – А еще есть другой оружейник, Бенджамин Генри, который, собственно, самым прямым образом был причастен к созданию «вулканика». Сейчас он работает над преобразованием его в полноценную многозарядную винтовку. Понимаете, к чему я все это говорю?

Тупят. Хотя Джонни, кривя угол рта, собирается было высказать свое мнение, но его опережает… моя собственная сестричка, Мария.

– Вик, ты что, хочешь выкупить у них все права? Но это же будет очень дорого!

– Дешевле, чем ты думаешь, сестренка. К тому же не обязательно выкупать полностью, достаточно предложить им интересные условия. Ведь их изобретения не слишком интересуют тех, к кому они обращаются. Консерватизм, плохое восприятие новых, непривычных идей. Конечно, через какое-то время им удастся найти того, кто по достоинству оценит их изобретения, воплощенные в металле, но… Зачем нам этого ждать? Лучше самим сорвать с дерева столь спелый и редко встречающийся плод, – чуть помедлив, я добавил: – Горд за тебя, сестренка. Умение думать и делать правильные выводы, оно всегда пригодится. Далеко пойдешь, многого достигнешь!

– Я буду стараться, брат.

Серьезная, спасу нет! А ведь такая действительно будет, по глазам видно. Главное, чтобы в правильном направлении двинулась. Ну да за этим и

присмотреть можно… и нужно. Сейчас же обратно к нашим баранам, то есть винтовкам и их создателям.

– Одному мне не разорваться, поэтому прошу вас, своих друзей, помочь мне в этом. Хотя бы в том, чтобы кто-то поехал к Спенсеру, а кто-то к Генри. Провести предварительные переговоры и обсудить условия уже настоящей встречи, на которой будет осуждаться основное. В том числе и финансовый аспект. Ну а мы с Джон ни кое-что еще на эту же тему узнать должны. Если получится, вообще интересные перспективы откроются.

– Ты говоришь «хотя бы». Значит и деньги от наших семей тебе бы не помешали, – хитро так прищурился Вилли Степлтон. – Война не только бедствие, но и толчок к развитию оружейной мысли. И Югу нашему поможем, и себя не обидим. Да, Фил?

– Тебе… то есть вам виднее, – развел руками Мак-Грегор. – Но вам верю, так отцу и скажу. Что-нибудь точно даст, но как много – это я не знаю.

Один умный и расчетливый в плане получения выгоды. Другой просто верит в нашу компетентность в этих вопросах. Да и помочь, как я понимаю, точно не откажутся. Что же до денег… Они в любом случае лишними не окажутся. И дело тут даже не в количестве, а в самом факте участия не последних в штате Джорджия семей Мак-Грегоров и Степлтонов. Будут задействованы они – вряд ли у кого-то возникнут вопросы насчет возникновения больших сумм. Прикрытие, оно в таких случаях лишним не бывает!

Ну а мы сейчас обсудим все это поподробнее. Затягивать же не стоит, время тикает. И тиканье это с каждым днем будет становиться все более тревожным.

Глава 3

США, штат Нью-Йорк, город Нью-Йорк, июнь 1860 года

Хорошо, что к концу пятидесятых годов сеть железных дорог в США была вполне себе разветвленной. Иными словами, загрузившись в вагон в Бэйнбридже, можно

было, пусть и с пересадками, доехать почти до любого нужного нам крупного города. Например, до Нью-Йорка. Конечно, это был тот еще гадюшник хоть в моем времени, хоть сейчас, но наряду с недостатками, у него имелись и некоторые достоинства.

Какие именно? Ну как же, ведь именно Нью-Йорк можно было с полным правом назвать финансовой столицей страны. Да и по количеству населения он успел обогнать Филадельфию, долго удерживавшую знамя первенства. Хотя стоит заметить, что население большей частью росло за счет иммигрантов, особенно ирландцев, готовых бежать куда угодно от притесняющих их на родине англичан.

Что было особенно интересным, именно в Нью-Йорке, наряду со сворой банкиров, руками и ногами поддерживающих Линкольна, имелось немалое число сторонников еще не образовавшейся Конфедерации. Откуда они взялись? Ну хотя бы по причине тесных торговых связей с Югом. Да и «вкусившие от щедрот» развивающегося «дикого капитализма» иммигранты видели в Юге возможную альтернативу. Пока еще смутно, но все же видели. Здесь они в большинстве своем были на самой низкой ступени, а вот на Юге… Там имелись некоторые варианты.

Плюс к тому для тех же ирландцев был глубоко чужероден пуританский образ жизни, который местные власть имущие пытались навязывать как самый верный. Им говорили про строгость нравов и аскетизм, про ограничение потребностей до минимально возможного… И первым делом ограничивали плату за выполненную работу. Так что особых симпатий католики-ирландцы к подобным «проповедям» со стороны хозяев предприятий не питали. Ну а я знал из истории, во что это выльется через пару-тройку лет…

Впрочем, мы с Джонни прибыли сюда по причине наличия в этом городе наиболее богатых банков. Естественно, не под своими именами и даже не в своем облике. Признаться, меня сильно опечалил бедный выбор средств для изменения облика в этом времени, но… Приходится обходиться тем, что есть под рукой. В конце концов, даже со скудными средствами можно достичь приемлемого результата. Особенно тут, где к подобному еще не привыкли.

Сапоги на высокой платформе? Рост заметно увеличивается. Сутулость? Уменьшается. Трость дает иллюзию хромоты, а уж иллюзию полноты создать и вовсе проще простого. Парик меняет прическу, усы и бородка скрывают черты

лица. Остается лишь голос, но и это поправимо. Вырезанные из резины и доведенные до нужной формы «вкладыши» за щеки. Результат – частичное изменение формы лица и сильно поменявшийся голос.

Маскировка – это хорошо, но одной ее недостаточно. Для грамотного подхода к цели требовалось должное оснащение и еще людские ресурсы. Первым, что логично, занимался я. А вот второе пришлось переложить на плечи Джонни. Как-никак, из нас двоих только он имел некоторые связи с криминалом.

Нужные нам люди делились на две категории. Первая, более многочисленная, должна была осуществить собственно отвлекающие действия. Для этой цели идеально подходила нью-йоркская шпана, готовая за несколько долларов учинить любую мелкую пакость. А именно мелкие пакости от них и требовались. Так что по сути нужен был лишь один, хорошо знающий эту самую шпанистую шушеру. Зато вторая категория, тут все было куда сложнее.

Двое бойцов для ограбления банка – этого по-любому слишком мало. Сколько всего требовалось? Минимум трое внутри собственно банка. Один контролирует общий сектор, пока двое других сначала вяжут персонал и посетителей, а потом, применяя должные способы убеждения, заставляют персонал открыть хранилище. Один на транспорт, то есть подгоняющий в нужное время экипаж, запряженный не абы какими, а действительно хорошими лошадьми. От него, понятное дело, первым образом требуется умение кучера хорошего уровня. Да-да, транспорт нужен. Ведь добыча может оказаться довольно тяжелой. Одно дело банкноты, но ведь есть еще и золото, которое легкостью пуха сроду не обладало. Да и большое количество бумаги отнюдь не невесомо.

И наблюдатель. Минимум один, хотя лучше двое. Чтобы, если будет замечено нечто тревожащее, один проскользнул внутрь банка, а другой продолжил отслеживать ситуацию. Итого – желательно шесть, но на крайний случай и пять сгодится.

Вот всем этим я и нагрузил бедолагу Джонни, который ни разу не Смит. Кстати, в этом он сам признался. Имя было оставлено, зато фамилию пришлось сменить на такую, самую распространенную. Очень временную, как он считал тогда. А вот оказалось, что не совсем временную. Или же совсем не временную, если так и дальше пойдет.

Насчет людей он меня и порадовал, и огорчил. Порадовал тем, что бывал в Нью-Йорке и знает там парочку людей, через которых можно нанять хоть несколько, хоть несколько десятков мелких уголовников, дешевых и небрезгливых. Да и относительно более серьезных людей проблем возникнуть не должно было. Его забыть не успели, готовы будут поучаствовать в совместном деле, тем более таком прибыльном, как ограбление банка. Надо лишь, не доезжая до штата Нью-Йорк, остановиться в Гаррисберге, что в Пенсильвании. Там он за несколько дней подберет нужных людей, умеющих быстро стрелять и не боящихся крови.

Это были хорошие известия. Плохие же заключались в том, что большая часть из подобранных будет, как он выразился: «Тварями, что коварнее койота и ядовитее гремучей змеи. Повернешься к ним спиной, можешь заказывать гроб… если успеешь». Хотя… А что, разве я рассчитывал на что-то иное? Среди подобного контингента пропорции принципиальных и беспринципных где-то один к десяти. Поэтому оставалось надеяться, что из набранных Джонни головорезов хоть кто-то окажется мало-мальски приличным. Иначе…

Иначе придется «множить на ноль» их всех. Разумеется, предварительно спровоцировав на пакостные действия. Точнее даже не спровоцировав, а заставив действовать раньше задуманного. Как? Дело нехитрое.

Джонни не подвел. Оказавшись в Гаррисберге, он развил бурную деятельность. Прошло несколько дней, и мой друг с довольной улыбкой на лице поделился сведениями, что сумел найти для нас нужных четверых людей. Мало того, за одного готов поручиться, а другой вроде бы тоже не был замечен в излишнем коварстве. То есть может попробовать обсчитать при дележке, но вот пулю или нож в спину строить – это не в его привычках. Зато оставшихся двоих он сам «рекомендовал бы пристрелить сразу после того, как выйдем из дверей банка». Веская рекомендация, спору нет! Но я все равно еще и сам присмотрюсь к получившей «черную метку» парочке. Вдруг да ошибся Джонни. Вряд ли, конечно, ну да чего на свете не бывает.

Вот и увидел всю «великолепную четверку». По отдельности, конечно. Каждый из них получил некоторую, не слишком большую, сумму в качестве аванса: на путевые расходы, приведение себя в порядок и просто по обычаю, сложившемуся в этой среде в таких вот случаях. Организатор оплачивает подготовку. Оно и правильно, тут я не спорю. Ну а потом мы расстались. В Нью-Йорк они поедут своим ходом, по отдельности. Нечего привлекать к себе внимания. Эти-то аборигены своего времени личины не использовали. Да и

сильно удивились, увидев Джонни не в его родном обличье. Впрочем, деньги легко гасят если и не само удивление, но лишние расспросы точно.

Впечатление от каждого из четырех было… неоднозначное. Крови все четверо совершенно не боялись, это сразу заметно. Готовы на любое дело, лишь бы куш был соответствующий. А вот дальше начинались определенные нюансы, над которыми стоило поразмыслить.

Сэм Дубина. Думаю, даже по прозвищу многое становится ясным. Большой, тупой, зверски сильный, а заодно хорошо управляется с лошадьми. Поручать ему хоть что-то интеллектуальное – непременно провалит, а скорее даже не поймет. В общем, обычное тупое «мясо», причем «мясо» жадное и жестокое. Охотно протянет лапы к чужой доле, перед этим голыми руками свернув шею тому, кто показался ему утратившим бдительность. Мда. Насчет этого субъекта я был полностью согласен с Джонни. И от него надо избавляться.

Майк Везерспун и его кузен Тед. Первый «на все руки от скуки», то есть мог быть использован и как боец, и как наблюдатель. Никакими особыми талантами не выделялся, но вместе с тем и бездарностью не назвать. Типичный середнячок во всем. Зато его кузен – это другое. Человек-тень, умеющий сливаться с толпой и вообще оставаться незаметным почти в любой обстановке. Собственно, именно поэтому Джонни его и позвал, ну а Майк шел всего лишь довеском к такому специалисту.

Одно было плохо – к неоспоримым талантам Теда Везерспуна прилагалась его откровенно гнилая натура. Об этом знали почти все из тех, кто жил по ту сторону закона. Его подельники то бесследно исчезали, то обнаруживались спустя некоторое время в изрядно подгнившем или поеденном крысами виде. Напрямую привязать Теда к этим смертям не получалось, но иметь дела с ним почти никто не хотел. Только новички или слишком жадные, польстившиеся на большой куш. Все же Везерспуны проворачивали неплохие дела.

Не-ет, с таким как Тед не то что долго рядом находиться, мимо пройти и то неприятно. Таких я всего пару раз видел, еще тогда, в прежней своей жизни. Про одного парой лет позже выяснилось, что он был большим любителем садистских игрищ, превращая свои жертвы в куски воющей от боли плоти. Другой… Там был бизнесмен высокого полета, ненавидящий всех вокруг и единственное довольствие видящий в том, чтобы измываться, пусть и морально, над всеми, над кем он мог себе это позволить.

И вот третий такой субъект, но уже, так сказать, в естественной среде. Даже особо не скрывающий свою суть. Уже потом, после того как Везерспуны, получив аванс и указания, покинули гостиничный номер, я спросил у Джонни:

– Неужели нельзя было обойтись без ТАКОЙ пакости, как этот самый Тед? Или почти все такие, как он и Сэм Дубина?

– Как Сэм – хватает. Но Тедди Везерспун неповторим. Он умеет убивать посреди дня, в толпе или просто посреди улицы. Прошел мимо, ткнул ножиком, человек и умер. Криков нет, стонов тоже, даже крови почти не выступит. Есть у него привычка…

– Подпиленный у основания тонкий клинок, обламываемый в ране? – догадался я, вспомнив появившийся в первой трети XX века способ устранения людей, неугодных некоторым криминальным структурам.

– Оно! – изумился Джонни. – А ты откуда знаешь?

– Просто догадался, сопоставив тобой сказанное и личные впечатления от этого… Теда.

– Догадливый ты, Вик. Но теперь ты понимаешь, что Тед Везерспун нужен… как тот самый наблюдатель. А потом его придется убить. Потому что иначе он сделает это с нами. Душа у него такая, гнилая и ядовитая.

– Охотно верю!

– И Дубину… тоже. Глуп и жаден. Зато следующий и последний человек среди найденных мной должен тебя обрадовать. Сам увидишь сейчас!

Действительно, последний из привлеченных Джоном людей произвел вполне приличное впечатление. Стэнли О’Галлахан, местами ганфайтер, местами наемный убийца, он же большой специалист по стрельбе из двух револьверов. Участник мексиканской и индейской кампаний, получивший там несколько дырок от пуль, но капитала не заработавший. Ну а вернувшись и подлечившись, продолжил заниматься тем делом, к которому уже привык. Главное же для меня было в том, что бывший вояка сохранил и определенный «кодекс чести»,

которого по возможности придерживался. И никогда не был замечен не то что в попытке пристрелить напарников, но и в желании наложить лапы на не принадлежащую по уговору долю добычи.

Одно было печально – что из четырёх подобными принципами обладал лишь он один. Почему? Просто Джонни смог за малый срок найти только его. «Товар» больно уж редкий, да и личное знакомство тут тоже роль играло. В общем, всё есть как есть, переигрывать не станем.

Команда была собрана. Необходимые для организации «акции» вещи, которые нельзя или не стоило покупать на месте, также были при нас. Дата встречи с другими участниками? Назначена. Контакт с нью-йоркской шпаной тоже известно через кого налаживать. Так что первая часть подготовки была завершена. Оставалось лишь вновь совершить путешествие по железной дороге – на сей раз куда более краткое – и продолжать воплощать в жизнь пришедшую мне в голову задумку.

Что же до Филиппа Мак-Грегора и Вильяма Степлтона – они занимаются своими делами. Один отправился договариваться с Генри, другой, соответственно, со Спенсером. И уж в дипломатических талантах Вилли я уверен почти на сто процентов. А вот сработает ли обаяние Филиппа…. Не знаю, все же оружейник Генри ни разу не красна девица. И сильно надеюсь, что у него нет молодой и красивой жены! А то знаю я повадки одного упертого и неизлечимого бабника…

* * *

На подготовку уже после прибытия в Нью-Йорк я отводил около недели, может быть чуть больше. Мало? Да нет, в самый раз. Изучить само место, его окрестности, выбрать точки для отвлекающих внимание простых людей и полиции «акций». Встретиться с нужным человеком по имени Майкл Льюис. Тем самым, который мог предоставить за смешные деньги немалое количество шпаны для тех самых мелких, но очень важных в моем плане пакостей.

Собственно Льюиса мы с Джонни посетили в первый же день после прибытия. Сразу же, как только убедились, что все остальные члены группы добрались и готовы к «великим свершениям». Что можно сказать про этого человека? Жадноватый, но весьма хитрый пройдоха, видящий свою выгоду и очень любящий торговаться. Рекомендации от нужных людей сыграли свою роль,

поэтому он с охотой согласился быть посредником в найме «шустрых парнишек» на любую, но не слишком опасную работу. И чтобы без крови. Это я ему с легкостью пообещал, в крови никто из нанятых точно не вымажется. Разве что в своей… в том случае, если будут нерасторопными и их успеют схватить за шиворот.

Это Льюиса устраивало. Так что став на четыре сотни долларов беднее, я получил два десятка исполнителей, готовых в назначенное время устроить отвлекающие внимание от выбранного мной банка происшествия. Сразу вспомнился культовый французский фильм «Доберман», где одноименный герой таким образом притянул внимание полиции куда угодно, только не к месту основного действия. Кино-то оно кино, но эти умные мысли, пусть и не с таким размахом, частенько использовались на практике. Вот и я использую, тем паче здесь, в этом не искушенном хитрыми ходами преступности времени.

А потом мы вдумчиво и с усердием изучали место вокруг банка и внутри него. Ну, в той части, которая доступна обычным клиентам. К слову сказать, банк был серьезным, не из захудалых. Более того, он являлся одной из важнейших частей финансовой системы и назывался «National City Bank of New York», то есть «Национальный Городской Банк Нью-Йорка». Солидное такое название, да?

И история была соответствующая. Как-никак основателем был не кто иной, как друг самого Джорджа Вашингтона Самуэль Осгуд. Неудивительно, что банк развивался быстрыми темпами и на него мало кто из конкурентов рисковал даже пасть оскалить, не говоря уже о более серьезных действиях. Да и после смерти Осгуда управление сим серьезным заведением перешло к Моисею Тэйлору, одному из доверенных людей и верных клевретов Джона Астора. А Джон Астор, на минуточку, основатель и владелец «Американской меховой компании», наложившей лапу на большую часть добываемых на севере мехов… Да еще и наркоторговец в промышленных масштабах, ага! Контрабанда опиума во всей красе, на которой он первоначально приподнялся и которую не бросал до самого конца. Пусть уже и вел по большей части через подставных лиц. Ну а «Национальный Городской Банк Нью-Йорка», тогда еще носивший название «Городской Банк Нью-Йорка», под управлением его протеже обслуживал его финансовую империю. Плюс ко всему и в легализации денег тоже участвовал, как без этого!

Помер Астор, а банк остался. И вкуса к отмывке всего и вся не утратил. Да и как еще могло быть с такими-то владельцами! Так что если бы у меня и имелись

какие-либо угрызения совести насчет противозаконных дел, то они бы мигом испарились.

Хорошо все же «работать» в середине XIX века. Ни тебе беспокойства насчет отпечатков пальцев, ни тем паче видеосъемки. Надо лишь не стесняться пользоваться тем, что тебе кажется обычным, а для местных – полная неожиданность, столкнувшись с которой, они просто не будут знать, как именно в таких случаях поступать и что делать дальше.

Сам же банк… Под видом обычных клиентов тут побывали почти все из группы. Ну, кроме Сэма Дубины, потому как его тупая рожа ну никак не ассоциировалась с банком в хорошем смысле этого слова. Вызвал бы подозрения, а этого нам сейчас точно не требовалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Принадлежит черным» (англ.).

2

«Принадлежит белым» (англ.).

3

«Однопроцентники» – так называют себя члены байкерских банд или те байкеры, которые не гнушаются пристрелить любого, кто попытается на них наехать.

4

Кельтский крест – самый распространенный символ «арийского братства» – одной из самых отмороженных банд в США. Контролируют большинство тюрем, торгуют оружием и взрывчаткой. Любому, замешанному в нападении на одного из «братьев» выносится смертный приговор, приводимый в исполнение в любой точке мира, независимо от положения жертвы. Жесточайшая дисциплина. Любая попытка сотрудничать с властями карается смертью. Приговор приводят в исполнение «арийцы»-новички. Члены братства говорят: «Кровь впускаем – кровь выпускаем».

Купить: https://tellnovel.com/polyakov_vlad/konfederat

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити